

Сергей Патрушев

Хроники перепутья

Сергей Патрушев
Хроники перепутья

«Автор»

2026

Патрушев С.

Хроники перепутья / С. Патрушев — «Автор», 2026

Двадцать три года длится война между людьми и эльфами — война, в которой уже никто не помнит, с чего она началась. Маг Альберик, правая рука короля, давно привык к запаху гари и мокрой овчины, к дыму над сожжёнными постами, к простой арифметике взаимной ненависти. Когда принцесса Илэйн получает от эльфов предложение о перемирии, а в небе над долиной Трёх Камней открываются древние Врата. За кулисами войны, дёргая за ниточки с обеих сторон, стоит тот, чьё имя забыто, а лицо пересекает шрам длиной в тысячу лет. Его цель — не победа. Его цель — хаос. И чтобы остановить его, принцессе, магу, гному-изобретателю, торговцу, ставшему поэтом, эльфийке-убийце, ищущей искупления, и мальчику из сожжённой деревни придётся объединиться. «Перепутье» — эпическое фэнтези о цене войны и силе милосердия, где драконы ворчат на дождливую погоду, гномы изобретают самогон высочайшего качества, а главная битва происходит не на поле боя, а в человеческом сердце.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Тишина как ингредиент	5
Глава II. Искусство лёгкой наживы	11
Глава III. Аудиенция	16
Глава IV. Сталь в бархате	19
Глава V. Невеста в чёрном	21
Глава VI. Сад увядших лилий	26
Глава VII. Пламя под молотом	31
Глава VIII. Дым над деревней	37
Глава IX. Врата из серебра и теней	42
Глава X. Книга архимага	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Хроники перепутья

Глава I. Тишина как ингредиент

Величайшая иллюзия любви заключается в уверенности, что ты отдаёшь часть себя другому, тогда как на самом деле ты лишь проецируешь вовне ту пустоту, которую боишься заполнить самостоятельно. Я слишком долго наблюдал за этим механизмом со стороны, чтобы теперь, сидя в башне из слоновой кости собственного одиночества, не позволить себе циничной улыбки. Люди ищут в глазах напротив отражение собственной значимости, они называют это трепетом сердца, но с точки зрения чистой энергетической структуры — это банальный резонанс двух незавершённых гештальтов. Им кажется, что они сплетаются душами, а на деле они просто сталкиваются травмами, порождая искру, которую по ошибке принимают за свет. Мне это больше неинтересно. Я ухожу, не физически, нет, тело всё ещё здесь, в этом кресле, но точка сборки моего сознания смещается всё глубже в те слои реальности, где нет привязанностей, где царствует симпатическая магия чистых форм.

Психология для меня всегда была лишь преддверием настоящей работы. Это попытка описать словами то, что можно лишь почувствовать, настроить, как сложный астральный инструмент. Отдаляясь от мира, я отсекаю шум чужих аффектов, этот бесконечный белый шум неврозов, пропитавший воздух городов. Когда ты маг, ты обязан понимать, что мысль материальна, и каждая непрожитая, истеричная мысль толпы оседает копотью на твоём магическом зрении. Я промываю линзы восприятия тишиной. В этой тишине исчезает ложная диалектика «я — они». Остается лишь чистая феноменология духа: вот раздражение, оно пришло и ушло, не задев ядра; вот воспоминание о чьих-то губах, я растворяю его в кислоте анализа, превращая чувство в сухую формулу, а формулу — в пепел. Я не бегу от боли, я просто перестаю питать её своим вниманием, и она умирает от голода, как брошенный в тюрьму элементаль.

Моя магия — это не фокусы и не ритуалы на потребу скучающим. Это высшая степень интроверсии, достигшая критической массы и породившая собственный мир. Вселенная внутри меня оказывается куда более послушной и структурной, чем хаос снаружи. Стоит мне закрыть глаза, и я вижу не тьму, а сложнейшую архитектуру первозданного Света. Здесь, внутри, я наконец-то честен. Я не нуждаюсь в зеркалах, потому что сам стал пространством. Философия учила меня сомневаться во всем, но только магия дала мне точку опоры, позволяющую перевернуть не мир, но собственное сознание. Я ухожу в эту глубину не для того, чтобы спрятаться, а для того, чтобы развернуться во всю свою истинную величину, не ограниченную социальными масками и коллективными сценариями. Мир считает, что любовь — это кульминация бытия, но они не знают, что сингулярность абсолютного самопознания дарит такой взрыв ослепительного равнодушия, перед которым любая страсть — лишь тусклая свеча на ветру. Я больше не часть их танца, я — тот, кто переписывает партитуру, жрец без храма, чье божество безмолвно смотрит на меня из бездны моего же внутреннего космоса.

В этом добровольном изгнании из реальности, которую большинство считает единственно возможной, я обнаружил странную закономерность: чем дальше я отхожу от людей, тем яснее понимаю их природу. Раньше, когда я еще был вплетен в социальную ткань, когда мои дни были наполнены бессмысленными диалогами и ритуальными прикосновениями, я был слеп. Я был частью механизма, и, как любой винтик, не мог охватить взглядом всю машину целиком. Теперь же я смотрю на человечество извне, словно астроном, наблюдающий за дви-

жением далеких галактик. И знаешь, что я вижу? Я вижу существ, которые панически боятся тишины. Вся их жизнь — это бегство от самих себя. Любовь, дружба, вражда, карьера, развлечения — всё это лишь сложные, изошренные способы заполнить внутреннюю пустоту звуками, чтобы не услышать тот единственный голос, который действительно имеет значение. Голос собственной души, кричащей из глубин о том, что она способна на большее, чем просто быть чьим-то отражением.

Они называют меня безумцем, отшельником, гордецом. Пусть. Эти слова — лишь жалкие попытки непосвященных описать то, что выходит за пределы их понимания. Им невдомек, что я не одинок в том смысле, который они вкладывают в это понятие. Одиночество для них — это вакуум, отсутствие стимулов, гнетущая тишина, от которой звенит в ушах и ноет сердце. Для меня же одиночество — это наполненность. Это состояние, при котором исчезают помехи и можно наконец услышать музыку сфер. В моей башне нет эха чужих желаний. Стены здесь не пропитаны флюидами чужой боли, страха или похоти. Здесь кристально чистый эфир, в котором моя воля кристаллизуется мгновенно, не встречая сопротивления среды. Я создал эту реальность сознательно, кирпичик за кирпичиком выстраивая барьеры от внешнего мира. Сначала это были простые ограничения — отказ от бесцельных встреч, прекращение переписки, которая питала лишь моё эго, а не дух. Затем я перестал интересоваться новостями, потому что осознал: всё, что происходит в мире форм, есть лишь тень, отбрасываемая движениями сил в мире незримом. Зачем смотреть на тени, если можно повернуться к источнику света?

Потом началась более сложная работа — внутренняя гигиена. Я стал отслеживать не только поступки, но и мысли, которые цепляются за образы людей из моего прошлого. Каждое воспоминание о ласке, о споре, о совместном молчании — это нить, связывающая меня с коллективным сновидением человечества. Я перерезал эти нити одну за другой. Это было мучительно лишь в самом начале. Ты словно отрываешь от себя куски плоти, потому что привык считать эти связи частью своей личности. Но за первым слоем боли открывается истина: это была не твоя плоть, это были паразитические наросты, маскировочные костюмы, которые ты носил, чтобы тебя приняли за своего. Сбрасывая их, я сбрасывал не себя — я сбрасывал ложные идентичности, навязанные ролями любовника, друга, сына, гражданина. Под этими слоями обнаружилась странная, текучая субстанция — чистое «Я», не имеющее имени, возраста и истории. То, что было до моего рождения и останется после. То, что и является единственным субъектом любой истинной магии.

Сейчас, когда точка сборки моего восприятия окончательно сместилась за пределы обыденной реальности, я вижу любовь как химико-энергетический феномен, лишенный ореола таинственности, которым его наделяют поэты. Поэты — худшие из лжецов, сами того не осознавая. Они воспевают не само чувство, а его психотическую проекцию, ту самую искру, о которой я говорил. Но я видел эту искру под микроскопом высшего видения. Это просто короткое замыкание между двумя эго, которые на мгновение признали друг в друге недостающий фрагмент собственной тени. Мужчина видит в женщине свою аниму — тот образ идеальной женственности, что дремлет в его подсознании с детства, сотканный из впечатлений о матери, сестре, первой случайной картинке, поразившей воображение. Женщина видит в мужчине свой анимус — проекцию силы, логоса, защищенности. Они встречаются, и вместо того, чтобы увидеть реального человека, стоящего перед ними, они с восторгом обнимают собственные галлюцинации. Начинается танец на лезвии бритвы: какое-то время проекции совпадают с реальностью, и наступает то, что они называют «конфетно-букетным периодом», но правильнее было бы назвать это периодом взаимного гипноза. Но реальность всегда просачивается сквозь щели в самой красивой декорации. И вот уже он замечает, что её нежность — это

собственничество, а она видит, что его сила — это деспотизм. Проекция рушатся, и бывшие любовники смотрят друг на друга с недоумением и ужасом: кто этот чужой человек? А ведь это тот самый человек, который был всегда, просто они не давали себе труда его узнать, упиваясь сладостью собственных фантазий. И тогда начинается война. Война, в которой каждый пытается насильно втиснуть партнера обратно в рамки своей проекции, причиняя невыносимую боль и ему, и себе. Я больше не участвую в этой войне. Я сложил оружие и покинул поле боя.

Есть ли во мне сожаление? Когда я думаю об этом философски, спокойно, как о пройденном этапе алхимической трансформации, я понимаю, что сожаление — это тоже форма привязанности. Сожалеть — значит мысленно возвращаться в прошлое и пытаться его переиграть. Но прошлого не существует. Это иллюзия памяти, которую линейный ум использует для поддержания ощущения непрерывности «я». Истинный маг живет в вечном настоящем, где нет ни сожалений, ни надежд, а есть лишь акт чистой воли. Поэтому нет, я не сожалею. Я наблюдаю. Я вспоминаю одну женщину, чье лицо уже начинает стираться из моей памяти, как рисунок на песке, смываемый волной. Когда-то я думал, что умру без неё. Когда она ушла — а она ушла, потому что устала от моего холода и моей погруженности в незримое, — мир рухнул. Я сидел на полу этой самой комнаты, и боль была такой острой, что казалась физической. Сейчас я понимаю природу этой боли. Это была не потеря любимого человека. Это была смерть моей проекции. Той части меня, которую я вложил в неё, словно в банк, и которую у меня украли. Это была ломка наркомана, лишённого дозы эмоционального наркотика. Когда я осознал это, я рассмеялся в голос, и звук этого смеха был страшен — в нем звенело стекло разбитых иллюзий. С того дня я начал строить этот внутренний храм, где единственным божеством является осознание.

Теперь я культивирую не любовь, а Свет. Любовь в человеческом понимании — это луч, направленный на объект. И если объект исчезает или перестает отражать луч, наступает тьма. Свет же, который взращиваю я, не имеет направления. Он исходит изнутри и освещает всё без разбора, не требуя отражения, не нуждаясь в объекте. Это состояние абсолютной наполненности, когда ты сам становишься солнцем, и тебе всё равно, есть ли вокруг планеты, способные принять твоё тепло. Ты просто светишь. Это и есть истинная природа духа. Психология называет это сублимацией, но они примитивно понимают этот термин, сводя его к перенаправлению сексуальной энергии в творчество. Нет, это полная трансмутация свинца обусловленной человеческой природы в золото чистого бытия. Я не подавляю свои желания — я переплавляю их на атомном уровне в топливо для своего восхождения.

Философия дала мне карту этой terra incognita, но она могла лишь описать береговую линию. Философы стоят на берегу океана Бессознательного и чертят схемы течений, но они боятся заходить в воду. Они боятся глубины, потому что глубина требует отказа от самого инструмента познания — разума. Магия же — это искусство плавания в этих водах. Это прыжок в бездну с полной уверенностью, что ты не разобьёшься, а взлетишь. Я прыгнул. И сейчас, паря в этом внутреннем космосе, я вижу нити, связующие миры. Я вижу, как мысли людей, их страхи и страстишки создают эгрегоров — гигантские энергетические воронки, которые затем управляют самими создателями. Человечество поработщено собственными творениями: государством, деньгами, религией, понятием чести, морали. Всё это — эгрегоры, и самый мощный из них — эгрегор Романтической Любви. Он внушает людям, что они неполноценны без партнера. Он заставляет их мучительно искать «половинку», чтобы замкнуть цепь и отдать энергию страдания или краткого счастья на подпитку самого эгрегора. Я разорвал эту цепь. Я стал целостным. В моей груди больше нет зияющей раны, в которую нужно вкладывать другого человека, как тампон, чтобы остановить кровотечение.

Тишина моей обители теперь наполнена смыслом. Каждый предмет здесь — не просто вещь, а символ. Книги на полках — это не источники чужих мыслей, а ключи к определенным состояниям. Я могу взять томик стоиков, и мое сознание настраивается на волну несгибаемой дисциплины. Я могу взять трактат по алхимии, и вокруг меня начинают танцевать сгилы и архетипы. Сама материя здесь стала послушной моему намерению. Пламя свечи на столе — мой верный собеседник, элементаль огня, с которым у нас давний уговор. Я смотрю на него часами, и в его танце мне открываются схемы мироздания, гораздо более точные, чем в любой каббалистической таблице. Огонь говорит со мной на языке, который не нуждается в словах, и я понимаю его, потому что сам стал огнем — сжигающим всё лишнее, пресуществляющим материю в свет.

Я вспоминаю концепцию Платона о мире идей, и улыбаюсь тому, насколько близок он был к истине, не обладая при этом практическими инструментами. То, что он называл миром идей, есть Астральный Свет, та самая матрица, где хранятся прообразы всех вещей. И теперь я могу путешествовать туда не в мечтах, не в философских спекуляциях, а в полном осознании, сохраняя непрерывность памяти. Я вижу эйдос «Справедливости» не как абстракцию, а как живое, пульсирующее кристаллическое образование. Я вижу эйдос «Древа» и понимаю, почему все деревья на земле тянутся к небу — они помнят свой идеальный архетип. И я вижу эйдос «Любви» — тот самый, незамутненный, истинный. И он не имеет ничего общего с тем, что люди испытывают друг к другу в своих спальнях. Эйдос Любви — это сила гравитации духа, удерживающая вселенную от распада. Это не притяжение между мужчиной и женщиной — это принцип единства, благодаря которому атомы собираются в молекулы, а звезды — в галактики. И когда я настраиваюсь на этот эйдос, я чувствую любовь ко всему сущему такой силы, что человеческое сердце не выдержало бы, разорвалось бы от переизбытка чувств. Но у меня больше нет сердца, есть только огненный шар в центре груди, способный вместить космос. Это и есть *Philos Sophia* — любовь к мудрости, перешедшая из теории в практику, из чувства в бытие.

Кто-то скажет, что я обесценил жизнь, ушел от реальности, стал отшельником, потому что не смог адаптироваться. Это самая забавная из иллюзий профанов. Они меряют успех количеством социальных связей и материальных приобретений. Но если ты скажешь слепому, что видишь звезды, он поднимет тебя на смех и скажет, что звезд не существует, потому что он не может их потрогать. Так и здесь. Они не видят того света, который вижу я, поэтому они отрицают его существование. Их «реальность» — это убогий чулан, заставленный старыми декорациями, в то время как я распахнул дверь в бесконечный зал. Мне жаль их, но моя жалость — это не снисхождение, это тихая грусть существа, которое помнит, каково это — жить в чулане. Я был там. Я знаю этот страх. Страх остаться одному в темноте. Но именно в той темноте, когда рушатся все внешние опоры, и загорается внутренний свет. Акт величайшего мужества — не завоевать царство или покорить женщину, а остаться наедине с бездной собственного существа и не отшатнуться, не побежать за утешением к другому.

И вот я сижу здесь, в полной неподвижности, но мое сознание активно, как никогда. Я плету заклинания не из слов и жестов, а из модуляций собственного внимания. Я ставлю опыты над реальностью, и она поддается, мягкая, как воск в моих руках. Я создаю мыслеформы и отправляю их на прогулку по нижним слоям астрала, и они возвращаются ко мне с донесениями о природе вещей. Я исследую закоулки своей души, те темные подвалы, куда при жизни не заглядывает никто, и навожу там порядок. Свет моего осознания проникает в каждую тре-

щину, и это и есть апокатастасис — восстановление всего сущего в его первозданной, божественной природе.

Мир остался за стенами, и его звуки доносятся до меня, как шум далекого прибоя. Где-то там люди всё еще женятся, разводятся, плачут в подушки, пишут стихи, стреляются от неразделенной страсти, заводят детей, чтобы заглушить страх смерти, предают и прощают, чтобы снова предать. Они крутятся в колесе сансары, принимая свои веревки за любовные узы. А я смотрю на это колесо сверху. Я больше не хомяк в этом колесе, я тот, кто его создал своим неведением, и тот, кто его остановил своим пониманием. Свобода, о которой они так много говорят за бокалом вина, не в возможности выбирать между одним партнером и другим. Свобода — это когда у тебя вообще нет необходимости выбирать, потому что любое проявление бытия приносит одинаковую, неокрашенную предпочтениями радость. Достигну ли я когда-нибудь этой вершины абсолюта? Не знаю. Но сам путь к ней, каждый шаг в глубь себя, стоит тысячи жизней, прожитых в иллюзии вовлеченности.

Я закрываю глаза, и снова вижу не тьму, а Свет. Я расщепляю этот Свет на спектр, и каждая его частота — это определенное качество магии. Красный — воля к существованию. Оранжевый — сила амбиций, переработанных в горение духа. Желтый — интеллект, ставший интуицией. Зеленый — та самая истинная любовь, исцеляющая миры, а не калечащая сердца. Голубой — творчество, создающее из ничего. Синий — всеведение, ясновидение, память прошлых жизней. Фиолетовый — трансценденция, растворение в Божестве. Я омываю себя этими лучами поочередно, строя мост между человеком, которым я был, и магом, которым я становлюсь. Я вынимаю из своей души последние осколки желания быть любимым кем-то извне. Этот осколок вошел глубоко, он застрял там еще в детстве, когда я впервые понял, что мама смотрит на меня не так, как мне бы хотелось. Сейчас я провожу тончайшую астральную операцию. Скальпелем, выкованным из моей воли, я делаю надрез над старой раной, извлекаю эту детскую обиду, и на её место заливаю жидкое золото самооценности. Рана затягивается мгновенно, не оставляя шрама. Я больше не ребенок, ждущий похвалы. Я — Отец самому себе, Мать самому себе, Возлюбленный самому себе. Я — совершенный андрогин, замкнутая система, *perpetuum mobile* духа.

Где-то там, за дверью, возможно, еще бродят тени тех, кто меня помнит. Может быть, одна из женщин, чье имя я уже забыл, иногда смотрит на звезды и думает, что я смотрю на те же звезды. Она ошибается. Я смотрю не на звезды. Я смотрю из звезд. Я слился с ноосферой, растворился в ней, как капля чернил в океане, и теперь весь этот океан — моя лаборатория. Мне не нужна её память, чтобы существовать. Память — это то, что привязывает мертвых к живым. Я же хочу абсолютной жизни, а для этого нужно умереть для всего, что не является вечным. И я умираю каждый день. Умираю для любви, для ненависти, для скуки, для интереса, для самой смерти. И в этом парадокс: умирая для всего, я становлюсь бессмертным, ибо бессмертие — это не бесконечная жизнь во времени, это выход из времени совсем.

Последняя мысль, которая тает в моем сознании перед тем, как оно окончательно уйдет в самадхи этого вечера, проста и кристально ясна. Любовь, которую ищут люди, есть не что иное, как тоска по этому самому выходу. Они чувствуют, что в слиянии с другим есть намек на то абсолютное Единство, которое является нашей истинной родиной. Но они ищут снаружи то, что находится внутри. Они приставляют свои половинки к чужим половинам, пытаются собрать осколки Божества, но это бесполезно, потому что каждый из нас уже цел. Просто мы забыли об этом, войдя в мир разделения. Моя магия — это воспоминание. Моя философия — это карта возвращения домой. А моя психология — это танец на руинах ложного Я. Я почти вер-

нул. Еще несколько шагов в этой изумрудной пучине внутреннего безмолвия, и я исчезну совсем, чтобы проявиться везде. Когда-нибудь, спустя столетия, кто-нибудь назовет это состояние просветлением. Сейчас же это просто моя работа. Моя тихая, никому не видимая, великая магическая работа. И это единственное, что имеет значение.

Глава II. Искусство лёгкой наживы

Торговца звали Веньян из Больших Камней, и он уже четверть века держал лавку на перекрёстке трёх дорог — там, где тракт из Каэр-Дуна встречается с речным путём и старой лесной тропой, ведущей бог знает куда. Место это считалось прибыльным, но беспокойным: слишком много разного люда проходило мимо его дверей, слишком много историй оседало на половицах вместе с дорожной пылью. Здесь можно было купить и продать всё — от эльфийских амулетов сомнительного происхождения до гномьей стали, пахнувшей ещё не остывшей кровью. Веньян давно привык не задавать лишних вопросов. Вопросы в его ремесле стоили дороже ответов, а жизнь и без того научила его ценить молчание.

Лавка его представляла собой длинное приземистое строение, сложенное из дикого камня и почерневших от времени брёвен. Внутри пахло сушёными травами, старым деревом, воском и чем-то ещё — неуловимым, тревожным, что всегда сопутствует вещам, повидавшим слишком многое. Полки вдоль стен прогибались под тяжестью склянок, горшков, мешочков с порошками и редких книг в потрескавшихся кожаных переплётах. С потолочных балок свисали пучки сушёного чеснока и пучки трав, названия которых Веньян уже и сам не помнил. Узкое окно, выходившее на тракт, было забрано решёткой и почти не пропускало света. В углу, подальше от посторонних глаз, стоял массивный дубовый прилавок с потайным отделением для особо ценных товаров и маленьким, но весьма убедительным арбалетом, который хозяин лавки держал заряженным круглый год.

В тот вечер Веньян сидел за прилавком и пересчитывал дневную выручку. День выдался небогатым: два охотника купили соли для выделки шкур, проезжий кузнец взял мешочек угольной пыли, старуха-травница пополнила запасы сушёной ромашки. Итого — десяток медяков и одна тусклая серебряная монета, которую кузнец выковырял из складок засаленного кошелька с таким видом, будто расставался с последним зубом. Веньян вздохнул, протёр монеты ветошью и ссыпал в железную шкатулку. За окном догорал закат. Пыльный свет, просачивавшийся сквозь мутное стекло, разрезал помещение надвое — ровно, словно лезвие старого меча. И в этом свете, прямо напротив прилавка, вдруг оказалась она.

Веньян не слышал, как открылась дверь. Не слышал шагов. Она просто возникла — и это было первым предупреждением, которое он, очарованный и ослеплённый, пропустил мимо ушей. Девушка стояла, слегка склонив голову к плечу, и разглядывала его с тем особенным выражением, какое бывает у кошек, встретивших на своём пути незнакомого, но, в общем-то, неважного человека. На вид ей было лет двадцать пять, хотя Веньян, повидавший на своём веку слишком много магии, знал, что внешность в таких случаях обманчива. Волосы цвета тёмного мёда струились по плечам и спине, собранные в небрежный, но изысканный узел, из которого выбивалось несколько прядей. Глаза — две зеленоватые льдинки, прозрачные и холодные, но где-то в глубине их плясал тёплый огонёк, опасный и весёлый одновременно. Кожа её была бледной, почти светящейся в сумерках, а черты лица — тонкими, точеными, словно вырезанными из слоновой кости рукой безумного мастера, который не мог вовремя остановиться. Одея она была просто, даже скромно: дорожное платье тёмно-синего сукна, перехваченное на талии широким кожаным поясом, поверх платья — лёгкий плащ с капюшоном, отброшенным на спину. Никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки на шее. Но эта простота обманывала: Веньян, сам того не сознавая, сразу понял, что перед ним не обычная путешественница.

Пахло от неё полынью и чем-то металлическим, сладковатым — так пахнет свежая кровь, если уметь её чувствовать. Веньян умел. Он торговал на перекрёстке войн достаточно долго, чтобы научиться различать этот запах даже сквозь ароматы трав и специй. И всё же он не насторожился. Быть может, возраст притупил его чутьё. А быть может — и это вернее — она просто не позволила ему насторожиться.

— Добрый вечер, почтенный хозяин, — произнесла она, и голос её оказался именно таким, каким должен быть голос, способный обезоружить человека за одно короткое слово: низкий, мягкий, с лёгкой хрипотцой, обволакивающий, точно тёплый мёд. — Я слышала, у вас можно найти редкие товары. Говорят, вы держите лавку уже четверть века и знаете толк в том, что продаёте.

— Говорят, — осторожно согласился Веньян, откладывая в сторону тряпку. — Кто говорит?

— Люди на тракте, — она улыбнулась краем рта. — Дорога нынче длинная, а путникам не о чем беседовать, кроме как о хороших лавках и плохих ночлегах.

Она шагнула ближе к прилавку, и Веньян почувствовал, как воздух в лавке стал плотнее. Полынный запах усилился, к нему примешалось что-то ещё — цветочное, едва уловимое, словно далёкий отголосок весны, которая здесь, на этом проклятом перекрёстке, давно забыла, как пахнуть. Девушка обвела взглядом полки, задержалась на склянках с алхимическими эссенциями, на мешочках с порошками, на запечатанных банках.

— Мне нужно многое, — сказала она доверительно, чуть понизив голос. — Очень многое. Я алхимичка, путешествую с караваном, но караван ушёл дальше, а мне пришлось задержаться. Дела, знаете ли. Сейчас нагоняю. И запасы мои, увы, истощились.

— Алхимичка, — повторил Веньян и прищурился. — И что же нужно алхимичке в моей скромной лавке?

— О, сущие пустяки, — она повела плечом, и плащ соскользнул на сгиб локтя, обнажая бледную руку с тонким запястьем. — Порошок из корня мандрагоры. Сушёные лепестки огненного мака. Эссенция лунного серебра — та, что привозят из-за восточных гор. Соли трёх видов. Амбра. Сера. Ртуть — но только живая, не та мерзость, что продают гномы в слитках. И ещё кое-что, если найдётся.

Веньян слушал и считал. Список был длинным, очень длинным. И дорогим. Список был таким, что его дневная выручка — жалкий десяток медяков — показалась ему насмешкой. Он поднял взгляд на девушку и наткнулся на её улыбку. Она смотрела прямо на него, не мигая, и в зелёных глазах плясали те самые огоньки — опасные, манящие, обещающие. Веньян, проживший сорок зим и повидавший всякое, вдруг ощутил себя юнцом, которому впервые перепало женское внимание.

— Это будет стоить... — начал он, но она перебила:

— Я знаю, сколько это будет стоить. Но я надеялась, что вы, как человек опытный и понимающий, войдёте в положение бедной путницы. — Она наклонилась над прилавком ровно

настолько, чтобы ткань платья натянулась в нужных местах, и Веньян, к своему стыду, не смог не опустить взгляд. — Мы ведь можем договориться, правда?

— Договориться? — переспросил он и почувствовал, что голос его прозвучал глухо, словно сквозь вату.

— Ну конечно, — она протянула руку и легонько коснулась его пальцев, лежавших на прилавке. Прикосновение было лёгким, как крыло бабочки, но кожу Веньяна обожгло, словно она провела по нему раскалённой монетой. — Я вижу, вы человек одинокий. Живёте здесь, на перекрёстке, среди пыли и склянок. Скучаете. А я... я умею быть благодарной.

Он должен был остановиться. Должен был вспомнить, что торговцу на перекрёстке трёх дорог не пристало терять голову из-за красивых глаз. Но глаза её были не просто красивыми — они были гипнотическими, затягивающими, как омут. И она смотрела на него так, словно он был единственным мужчиной в мире, достойным её внимания.

— Покажите товар, — прошептала она, и слово «товар» в её устах прозвучало неприлично.

Веньян отпер потайное отделение прилавка и начал выкладывать склянки, мешочки и банки. Руки его дрожали. Она перебирала товар долго, томительно, брала каждую склянку, подносила к свету, спрашивала о происхождении, о свойствах, о цене. О цене она спорила странно — не торгуясь, а будто играя. Называла сумму, и когда Веньян качал головой, она касалась его руки и называла другую, меньшую. И с каждым прикосновением названная сумма становилась всё меньше и меньше.

Она взяла почти всё. Порошки, эссенции, редкие соли из-за моря — все те товары, что копились у него годами в ожидании богатого покупателя. Взяла запечатанную банку густой, как смола, амбры, за которую отдал бы полцарства любой придворный алхимик. Взяла живую ртуть в свинцовом флаконе — тот самый флакон, который он хранил под прилавком вот уже семь лет, дожидаясь нужного момента. Она брала всё, а он смотрел и молчал.

— Вот это, — она указала на маленькую склянку из тёмного стекла, стоявшую на верхней полке, — то, что я искала. Достаньте, прошу вас.

Веньян потянулся к полке, и в этот момент она шагнула ближе, почти вплотную. Он почувствовал её дыхание у своего плеча. Полынный запах стал гуще, сладковатый металлический оттенок — отчётливее. Он повернулся — и она оказалась прямо перед ним, совсем близко, так близко, что он мог бы сосчитать ресницы на её веках, если бы был в состоянии считать.

— Вы так добры, — прошептала она, и её губы оказались в опасной близости от его губ. — Позвольте мне отблагодарить вас... иначе.

Она подалась вперёд — и мир на мгновение сузился до пространства между их дыхани-ями. Веньян, забыв обо всём, обнял её за талию. Она не отстранилась. Напротив — прильнула ближе, и её пальцы пробежали по его затылку, оставляя за собой дорожку ледяного огня. За спиной у неё была дверь в подсобку — маленькую каморку, где он хранил самые ценные товары

и где стоял старый диван, на котором он иногда коротал бессонные ночи. Они оказались там, даже не заметив, как пересекли порог.

Время исчезло. Остановилось. Потекло вспять или, быть может, побежало вперёд с утренней скоростью — Веньян не смог бы сказать наверняка. Он помнил только её смех, похожий на звон разбивающейся льдинки, её пальцы, скользкие по его лицу, её губы, жаркие и холодные одновременно. Она была везде и нигде. Она была всем. Она была...

Она исчезла вместе с сумерками.

Когда Веньян очнулся, за окном уже стояла глубокая ночь. Он лежал на старом диване в подсобке, один, укрытый собственным плащом, который она, по-видимому, набросила на него перед уходом. В лавке было тихо. Только ветер гулял под потолком да старые половицы поскрипывали, как скрипят они всегда в пустом доме. Веньян сел, потирая виски. Голова гудела, словно после долгого застолья, во рту стоял металлический привкус. Он потрогал шею — там, где её губы оставили след, и кожа отозвалась тупой болью. Маленький ожог. Или укус. Или... он не знал, как это назвать.

Он поднялся и, шатаясь, вышел в лавку. Полки были пусты. Нет, не совсем пусты — кое-что осталось, но ровно столько, чтобы он не умер с голоду в ближайший месяц. Все ценные товары исчезли. Все склянки, мешочки, банки, коробочки. Запечатанная амбра. Живая ртуть. Соли. Эссенции. Исчезла даже та маленькая склянка из тёмного стекла, за которой она заставила его потянуться, — склянка, содержавшая, как он смутно припоминал, вытяжку из корня мандрагоры, собранной в полнолуние на заброшенном кладбище. Товар редкий, опасный и баснословно дорогой.

Он бросился к двери — та была прикрыта, но не заперта. Выскочил на крыльцо. Тракт был пуст. Луна висела низко над горизонтом, заливая окрестности мертвенным серебристым светом. Ни следа на пыльной дороге. Ни отпечатка подошвы на пороге. Ни запаха полыни в воздухе — только сырость, только гарь, только вечная вонь войны, доносившаяся с востока. Она растворилась в ночи, словно её и не было вовсе. Словно она была видением, мороком, сном.

Веньян вернулся в лавку и долго стоял посреди пустой комнаты, глядя на опустевшие полки. Потом подошёл к прилавку, выдвинул потайной ящик и достал арбалет. Тот был на месте. Заряжен. Готов к бою. Бесплезный. Он положил арбалет на прилавок и вдруг расхохотался — хрипло, надсадно, почти до слёз.

Его обвели вокруг пальца. Нежно, умело, до обидного профессионально. Она не просто украла его товар — она выпила его до дна, играючи, с улыбкой, и бросила пустую оболочку считать убытки. И что самое страшное — он не был уверен, что не позволил бы ей сделать это снова.

До утра Веньян пил неразбавленное вино, сидя на крыльце и глядя на пустой тракт. Он думал о том, что двадцать три года войны научили его узнавать магию даже в постели. Просто в этот раз магия оказалась сильнее. Он думал о её глазах — двух зелёных льдинках, в которых плясал опасный огонёк. Он думал о том, что некоторые долги следует взыскивать не серебром, не медью и не золотом, а чем-то совсем иным — тем, что не имеет цены и не подлежит обмену.

А ещё он думал о том, что за четверть века на перекрёстке трёх дорог с ним не случилось ничего более удивительного, более пугающего и более прекрасного, чем эта девушка, пахнувшая полынью и свежей кровью.

Под утро, когда небо на востоке начало сереть, он встал, вернулся в лавку и принялся наводить порядок. Пустые полки он протёр влажной тряпкой. Подмёл пол. Запер дверь на все засовы. Потом сел за прилавок, достал чистый лист пергамента и начал составлять список украденного. Список был длинным. Очень длинным. И под каждым пунктом, аккуратным торговым почерком, он вывел одно и то же слово: «Найти».

Где-то на востоке, за холмами и лесами, за рекой Иленкой и сгоревшим сторожевым постом, за линией фронта и за гранью обыденного мира, шла война. И на этой войне, думал Веньян, непременно найдётся место для старого торговца с арбалетом и чувством жгучей, почти юношеской обиды.

Он не знал, что она была там, на востоке. Не знал, что её путь лежит в Каэр-Дун. Не знал, что человек с посохом из морёного дуба уже видел её след в пепле. Но он чувствовал — нутром, кожей, тем особым чутьём, что вырабатывается за четверть века торговли на перекрёстке войны, — что их встреча была не последней. И он оказался прав.

Глава III. Аудиенция

Альберик из Каэр-Дуна не любил тронные залы. Слишком много мрамора, слишком много золота и слишком много пустых слов, которые, как дым от погребального костра, поднимаются к сводам и оседают на плечах копотью лжи. Он стоял у дальней колонны, опираясь на посох из морёного дуба, и наблюдал за тем, как король Эдрик Четвёртый, прозванный в народе Справедливым, а в узких кругах — Кровавым Бухгалтером, восседает на троне и вершит судьбы. Трон был высок, неудобен и вырезан из цельного куска чёрного базальта — король говорил, что это напоминает ему о тяжести власти, но Альберик подозревал, что дело в банальной показухе.

— Ты понимаешь, что просишь невозможного? — голос короля прозвучал глухо, словно из-под земли. Эдрик подался вперёд, и свет факелов, колеблющийся на сквозняках, выхватил из темноты его лицо: резкое, с глубокими складками у рта, с глазами цвета болотной воды. — Мы воюем с эльфами двадцать три года. Двадцать три! Я потерял двух сыновей на этой войне. Ты потерял жену. И теперь ты приходишь в мой тронный зал и говоришь мне — мир? Переговоры?

Альберик выдержал паузу. Он знал, что король ждёт ответа, но ждать его — одна из немногих привилегий мага. Время для таких, как он, течёт иначе.

— Я говорю не о мире, Ваше Величество. Я говорю о том, что война скоро выйдет из-под контроля. Вы же читали донесения. Эльфы больше не атакуют по правилам. Они жгут деревни дотла, не оставляя свидетелей. Они не берут пленных. А теперь, — он сделал шаг вперёд, и стук посоха о мраморный пол эхом разнёсся по залу, — теперь они начали использовать то, что мы считали утерянным.

— Что именно? — король прищурился.

Альберик выдержал его взгляд.

— Тёмные руны, Ваше Величество. Первородную магию. Ту, что была запрещена Советом ещё до начала Второй Эпохи. Сторожевой пост у брода через Иленку пал не от мечей и не от стрел. Я видел пепел. Я чувствовал остаточное заклинание. Оно пахло гарью, но под гарью был другой запах — запах сырой земли и старой крови. Так пахнет магия, которую нельзя пробуждать.

В тронном зале повисла тишина. Советники, стоявшие полукругом за спиной короля, замерли. Кто-то нервно кашлянул. Старый лорд-казначей, дремавший в углу, проснулся и уставился на Альберика мутными глазами.

— Доказательства, — отрывисто бросил король. — У тебя есть доказательства?

— Пепел, — Альберик извлёк из складок плаща маленький кожаный мешочек и высыпал на ладонь горсть серого праха. — Это всё, что осталось от девяти человек. И от двух эльфов. Они не различают своих и чужих, когда применяют эту магию. Она пожирает всё.

Король медленно поднялся с трона. Спустился по ступеням — каждый его шаг отдавался тяжёлым гулом. Подошёл к Альберiku и долго, не мигая, смотрел на пепел в его ладони.

— Ты хочешь отправиться за линию фронта, — произнёс он наконец. — Взять с собой отряд, пересечь границу и выяснить, что эльфы задумали. А затем — предложить им перемирие, если они ещё способны слушать. Я правильно понял?

— Почти, Ваше Величество. Я хочу отправиться не с отрядом. Отряд будет замечен. Отряд вызовет войну ещё до того, как мы доберёмся до цели. Я пойду один. Точнее, — он запнулся, — я собираю команду. Три-четыре человека. Не солдат.

Король усмехнулся — криво, невесело.

— Ты хочешь, чтобы я одобрил частную вылазку в сердце вражеской территории? С участием мага, который, напомню, находится у меня на службе и не имеет права покидать Каэрдун без моего разрешения?

— Именно так.

— С ума сошёл.

— Возможно.

Эдрик развернулся и зашагал обратно к трону. Мантия его, расшитая серебряными нитями, волочилась по полу, собирая пыль. Он сел, упёрся локтями в колени и долго молчал, глядя куда-то в пространство перед собой. Советники переглядывались. Лорд-казначей снова задремал.

— Двадцать три года, — произнёс король тихо, почти шёпотом. — Мои сыновья мертвы. Моя жена сошла с ума от горя и теперь живёт в восточной башне, разговаривая с призраками. Половина моих земель лежит в руинах. И ты просишь меня поверить, что есть способ остановить это?

— Я не прошу верить, — Альберик сжал пепел в кулаке. — Я прошу разрешить попытаться.

Король поднял голову. В его глазах вспыхнул странный огонь — не гнев, не надежда, а что-то среднее, горькое и обречённое.

— У тебя есть месяц. Если через месяц ты не вернёшься, я объявлю тебя предателем и пошлю за тобой охотников за головами. Если ты провалишься, я буду отрицать, что когда-либо знал тебя. Если ты погибнешь, я не стану хоронить тебя с почестями. Ты станешь никем. Понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда иди. Собирай свою команду. И молись своим богам — или кому там молятся маги, — чтобы эльфы оказались более сговорчивыми, чем я.

Альберик поклонился. Не низко — ровно настолько, насколько требовал этикет, но не настолько, чтобы это выглядело унижением. Король оценил.

Когда маг вышел из тронного зала, тяжёлые дубовые двери закрылись за ним с глухим стуком. В коридоре было темно и холодно. Альберик остановился, прислушиваясь к тишине, и вдруг понял, что всё это время — всё время разговора — он чувствовал чьё-то присутствие. Кто-то стоял в тени, за колоннами, невидимый, но осязаемый. И этот кто-то слышал каждое слово.

Он повернулся, но коридор был пуст. Только лёгкий сквозняк донёс откуда-то знакомый запах — запах полыни.

— Вот, значит, как, — пробормотал Альберик и улыбнулся — впервые за долгое время. — Игра начинается.

Глава IV. Сталь в бархате

Празднество в честь дня основания Каэр-Дуна началось, как обычно, с фанфар. Медные трубы ревели на ветру, с башен сбрасывали венки из остролиста, а горожане, разодетые в лучшее, что сумели сберечь за годы войны, заполнили главную площадь. Король Эдрик Четвёртый, облачённый в парадный багряный камзол, стоял на балконе цитадели и взирал на толпу с той смесью усталости и величия, которая даётся лишь тем, кто слишком долго носит корону.

Внизу, притворяясь захмелевшим менестрелем, стоял Альберик.

Он не любил толпу. Слишком много тел, слишком много запахов, слишком много мыслей, бьющихся о края его сознания, точно ночные бабочки о стекло фонаря. Но сегодня он был здесь не по своей воле. Два дня назад, роясь в остатках сожжённого архива у брода, он нашёл обрывок пергамента. Обгорелый, почти рассыпающийся в пальцах, но ещё хранящий слова, написанные по-эльфийски. Слова, которые складывались в дату. Сегодняшнюю.

«Король умрёт в день праздника, и никто не увидит клинка».

Он пытался попасть к королю наедине. Тщетно. Лорд-протектор, надменный старик с лицом гончей, не пропустил его дальше приёмной. «Его Величество занят приготовлениями к празднеству. Ваши эльфийские страхи подождут до завтра». Альберик тогда ничего не сказал. Просто поклонился и вышел. Маги его уровня редко настаивают — они предпочитают действовать.

Теперь он стоял в толпе, сжимая под плащом посох, и сканировал пространство в поисках аномалии. Магия убийства всегда оставляет след — тонкий, едва уловимый, как запах озона перед грозой. Но сегодня воздух был чист. Слишком чист. И это пугало его больше всего.

Король поднял руку, приветствуя подданных. Толпа взревела. И в этот момент Альберик увидел её.

Девушка с волосами цвета тёмного мёда стояла в первом ряду, у самого ограждения, и смотрела на короля. Вернее, не смотрела — она изучала его, как змея изучает птицу перед броском. На ней было простое платье горожанки, но Альберик узнал её мгновенно. По осанке. По повороту головы. По лёгкой, едва заметной улыбке, которая играла в уголках её губ.

Та самая алхимичка, которую Веньян из Больших Камней, старый дурак, описывал ему вчера в трактире, заливая горе третьей кружкой эля. «Пахнет полынью и кровью, — бормотал торговец, утирая слёзы. — И глаза такие, что душу вынимают, даже не спрашивая разрешения».

Теперь эти глаза смотрели на короля.

Альберик начал продвигаться сквозь толпу, работая локтями и не обращая внимания на возмущённые возгласы. Он видел, как девушка медленно, почти незаметно поднимает руку. В её пальцах ничего не было — ни кинжала, ни иглы, ни яда. Но Альберик, маг с тридцатилетним стажем, чувствовал магию, которая концентрировалась вокруг неё, точно вода вокруг воронки.

Это не было боевое заклинание в привычном понимании. Это было что-то иное — тонкое, почти хирургическое, направленное не на плоть, а на... что?

Он понял за секунду до того, как это случилось.

Король на балконе вдруг покачнулся. Прижал руку к груди. Лицо его побагровело, потом побелело. Гвардейцы бросились к нему, но было поздно — Эдрик Четвёртый уже падал, хватая ртом воздух, и глаза его закатывались, и корона, тяжёлая золотая корона, катилась по каменным плитам балкона, сверкая в лучах заходящего солнца.

Толпа ахнула. Закричала. Заметалась.

Альберик выбросил вперёд посох и выкрикнул Слово. Заклинание стазиса — сложное, требующее огромных затрат энергии, — сорвалось с намерения и понеслось к балкону серебристой волной. Он знал, что успеет зафиксировать тело короля, сохранить последнюю искру жизни до прибытия лекарей. Знал, что ещё несколько секунд — и будет поздно.

Но девушка обернулась.

Их взгляды встретились поверх обезумевшей толпы. На мгновение мир замер. Альберик увидел в её глазах не торжество, не злорадство, а нечто совершенно иное — любопытство. Так смотрит учёный на неожиданный результат эксперимента. Или художник — на чужую картину, которая оказалась лучше его собственной.

Она улыбнулась — открыто, почти дружелюбно. Подмигнула. А затем растворилась в толпе, словно её и не было.

— Стоять! — заорал Альберик, но голос его потонул в общем гаме.

Он рванулся за ней, расталкивая людей, опрокидывая лотки с праздничным угощением. Но её уже не было. Ни следа, ни запаха полыни — только смятение, крики и чей-то плач. Будто призрак. Будто морок.

На балконе гвардейцы обступили неподвижное тело короля. Стазис сработал, слава богам: Эдрик лежал, застыв в последнем мгновении перед смертью, и тусклое серебристое свечение окутывало его грудь, не давая сердцу остановиться окончательно.

Альберик опустил посох. Руки дрожали. Он только что спас короля — или, по крайней мере, отсрочил его смерть. Но сейчас, стоя посреди обезумевшей толпы, он думал не о короне. Он думал о девушке, которая умеет убивать без оружия, уходить без следов и смотреть так, будто всё происходящее — лишь игра. Игра, в которой он только что сделал свой ход.

Глава V. Невеста в чёрном

Три дня Каэр-Дун балансировал на грани. Король лежал в стазисе, серебристое свечение мерцало над его грудью, а лучшие лекари королевства разводили руками и бормотали что-то о неведомом яде, против которого бессильны все известные противоядия. Лорд-протектор, тот самый надменный старик с лицом гончей, метался по коридорам цитадели, раздавая противоречивые приказы. Город гудел, точно растревоженный улей: одни требовали немедленно объявить эльфам войну до полного истребления, другие шёпотом говорили о том, что корона проклята, третьи — и таких было большинство — просто ждали, затаив дыхание, чем всё закончится.

Но у принцессы Илэйн, единственной дочери Эдрика Четвёртого, были другие планы.

Она вызвала Альберика в свои покои на рассвете четвёртого дня. Пришёл не гвардеец, не слуга — прилетел маленький бумажный журавлик, сложенный из дорогого пергамента, и, покружив над плечом мага, упал прямо в его ладонь, разворачиваясь на лету. «Приходите немедленно. Через чёрный ход. Илэйн». Почерк был твёрдым, почти мужским, и Альберик, сам не зная почему, подчинился без колебаний.

Принцессу Илэйн он знал с детства — вернее, с её детства. Помнил, как она, семилетняя, требовала научить её боевым заклинаниям вместо вышивания. Помнил, как в двенадцать она тайком пробралась в его башню и просидела до утра, читая трактаты по тактике. Помнил, как в шестнадцать, когда погиб её старший брат, она не плакала — просто оделась в чёрное и больше никогда не носила других цветов. Теперь ей было двадцать три. Ровно столько, сколько длилась война.

Она ждала его в маленькой гостиной, выходящей окнами во внутренний двор. Узкое платье из чёрного бархата облегалo её фигуру, как ножны облегают клинок. Волосы — пепельно-русые, почти серебряные в рассветном свете — были убраны в строгий узел на затылке. Никаких украшений, кроме тонкого обруча наследницы, сжимавшего лоб. Она стояла у окна, сложив руки на груди, и смотрела на город, который вот-вот должен был стать её городом — или её могилой.

— Ваше Высочество, — Альберик склонил голову. — Вы хотели меня видеть.

— Бросьте этикет, — ответила она, не оборачиваясь. — Мой отец умирает. Мой дядя уже примеряет корону. Совет раскололся. Эльфы стоят у границ. Мне не до церемоний, магистр.

— Тогда говорите прямо.

Она обернулась. Лицо её было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд оставался ясным, острым, как у человека, который принял решение и уже не свернёт с пути.

— Я выхожу замуж, Альберик. Через три дня.

Маг моргнул. Эта новость была настолько неожиданной, что он на мгновение потерял дар речи.

— Замуж? За кого? Сейчас? Когда король...

— Именно сейчас, — перебила она. — Пока отец ещё жив и пока Совет не успел объявить меня недееспособной. Вы же знаете законы, магистр. Если я выйду замуж до смерти короля, мой муж становится регентом. Если нет — трон переходит к моему дяде, а я становлюсь пешкой, которую выдадут за первого встречного лорда, пообещавшего поддержку.

Альберик молчал. В голове его стремительно выстраивалась цепочка политических последствий. Илэйн была права. Закон о престолонаследии, принятый ещё при её прадеде, гласил: незамужняя дочь короля не может наследовать трон напрямую. Дядя — младший брат Эдрика, лорд Годрик, — был человеком амбициозным, жестоким и, по слухам, не слишком разборчивым в средствах.

— Кто жених? — спросил он наконец.

Принцесса чуть заметно улыбнулась — впервые за весь разговор.

— О, это самое интересное. Его зовут Дариан из Кейлаха. Младший сын лорда-маршала. Ему двадцать пять. Он хорош собой, отлично фехтует, говорит на трёх языках и ни разу в жизни не был при дворе. Идеальная марионетка, подумают мои враги. Мальчик, который будет делать то, что ему скажут.

— А на самом деле?

— А на самом деле он — единственный человек, которому я доверяю, — Илэйн отошла от окна и опустилась в кресло, жестом приглашая Альберика последовать её примеру. — Мы знакомы с детства. Он рос в нашем замке, был пажом моего брата. Потом его отослали в пограничный форт, подальше от двора — отец боялся, что мы слишком сблизимся. Но мы переписывались. Все эти годы. Он — хороший человек. И он согласился.

— Согласился на что? — Альберик прищурился. — На брак без любви? На роль политической пешки?

— На всё, — просто ответила принцесса. — Я была с ним честна. Рассказала о том, что меня, скорее всего, попытаются убить. Рассказала о том, что трон — это не награда, а приговор. Рассказала о том, что, возможно, мы оба погибнем в ближайший месяц. Он ответил: «Я всё равно приеду». И приехал. Вчера вечером. Через линию фронта, переодевшись купцом, с подложными документами и мечом, спрятанным в тюке с шерстью.

Альберик задумался. История была красивой, даже романтической — а он не доверял красивым историям. Но что-то в голосе Илэйн подсказывало ему, что она не лжёт. Или, по крайней мере, верит в то, что говорит.

— Зачем вы рассказываете это мне, Ваше Высочество? Я — маг, а не политик. Моё дело — порталы и боевые заклинания, а не придворные интриги.

— Вы — единственный, кому я могу доверять, — повторила она с нажимом. — Вы спасли моего отца. Вы знаете, что происходит на границе. Вы видели убийцу. И вы — маг, а значит, единственный, кто способен понять то, что я скажу дальше.

Она помолчала. Потом поднялась, подошла к столу и взяла маленькую шкатулку чёрного дерева, инкрустированную перламутром.

— Свадьба состоится через три дня. Я объявлю о ней сегодня в полдень. Церемония будет закрытой, только ближний круг. Но я хочу, чтобы вы присутствовали. Не как гость — как страж. Как человек, который сумеет распознать магию, если убийца попытается снова нанести удар.

— Вы думаете, она придёт? Та, что напала на вашего отца?

— Я знаю, что она придёт, — Илэйн открыла шкатулку. Внутри лежал маленький, пожелтевший от времени свиток. — Это было среди личных вещей моего отца. Он хранил его в тайнике, о котором не знал даже лорд-протектор. Я нашла его вчера, когда разбирала бумаги.

Альберик взял свиток. Развернул. Текст был написан на эльфийском — древнем диалекте, который он знал в совершенстве. Он читал, и лицо его мрачнело с каждой строкой.

Это был договор. Точнее, проект договора. Датированный двадцатью тремя годами ранее — ровно за месяц до начала войны. В нём говорилось о брачном союзе между наследником эльфийского престола и новорождённой дочерью короля Эдрика. Союз должен был скрепить вечный мир между людьми и Перворождёнными, создать новую династию, объединить земли от моря до гор. Договор был подписан эльфийской стороной. Подпись короля отсутствовала.

— Мой отец отказался, — тихо произнесла Илэйн. — Эльфы предлагали мир ценой моего будущего. А он отказался. И началась война.

В комнате повисла тишина. Альберик смотрел на свиток и чувствовал, как кусочки гололомок медленно встают на свои места. Двадцать три года войны. Нежеланная невеста. Брачный договор, так и не подписанный. И девушка-убийца, пахнувшая полынью, — эльфийка, без сомнения эльфийка, — которая пришла в Каэр-Дун в канун праздника.

— Они хотят завершить начатое, — сказал он наконец. — Убить короля, который отказался от мира. А затем...

— А затем заставить меня подписать договор, — закончила Илэйн. — На их условиях. Или убить и меня тоже.

Она закрыла шкатулку и подняла взгляд на Альберика. В её глазах больше не было усталости. Только холодная, расчётливая решимость, достойная дочери короля, который двадцать три года вёл безнадёжную войну.

— Свадьба состоится через три дня, магистр. И я хочу, чтобы на этой свадьбе вы были моим оружием.

— У вас есть своё оружие, — заметил Альберик. — Жених с мечом, спрятанным в тюке с шерстью.

— Да, — она улыбнулась уголками губ. — Но вы — маг. А он — всего лишь человек, который любит меня. Иногда этого недостаточно.

Альберик поднялся. Спрятал свиток в складках плаща. Поклонился — на этот раз ниже, чем обычно, потому что перед ним сидела не просто принцесса, а будущая королева, и она заслуживала уважения.

— Я буду там, Ваше Высочество. И если убийца явится, я остановлю её. Даю слово.

— Не останавливайте её, — вдруг сказала Илэйн, и голос её стал жёстким. — Убивайте.

Он замер у двери.

— Вы уверены?

— Она пыталась убить моего отца. Она украла у меня двадцать три года мира. Она — эльфийка, а эльфы не берут пленных. — Принцесса отвернулась к окну. — Люди тоже умеют платить той же монетой, магистр. Простая арифметика взаимной ненависти.

Альберик ничего не ответил. Он вышел в коридор, прикрыл за собой дверь и долго стоял в темноте, думая о том, что только что услышал. Война, которая началась с отказа подписать мир. Мир, который мог закончиться одной свадьбой. Невеста, которая ждала жениха двадцать три года, — и невеста, которая собиралась выйти замуж через три дня, чтобы спасти королевство.

И где-то в тени, между этими двумя женщинами, стояла она — та, что пахла полыньёю и свежей кровью. Эльфийка. Убийца. Возможно, даже та самая несостоявшаяся невеста или её посланница.

— Простая арифметика, — прошептал Альберик в темноту. — Но в этой арифметике, Ваше Высочество, мы все — лишь цифры.

Свадьбу назначили на третий день.

Церемония проходила в малом тронном зале, том самом, где Эдрик Четвёртый когда-то отказался подписать договор с эльфами. Высокие стрельчатые окна были задёрнуты чёрным бархатом в знак траура по умирающему королю. Свечи горели вполнакала, отбрасывая на стены длинные дрожащие тени. Гостей было немного: члены Совета, несколько верных лордов, лекари, которые дежурили у постели короля посменно, и Альберик, стоявший в тени у алтаря, сжимая посох из морёного дуба.

Жених, Дариан из Кейлаха, оказался именно таким, каким описывала его Илэйн: высоким, широкоплечим, с открытым лицом и шрамом через левую бровь, который придавал его облику неожиданную суровость. Он стоял у алтаря, положив руку на эфес парадного меча, и взгляд его был спокоен. Так смотрят люди, которые уже приняли свою судьбу и не боятся её.

Принцесса вошла без музыки. Чёрное платье сменилось на другое — из тёмно-серого, почти серебряного шёлка, расшитого по подолу лунными камнями. Фата, закрывавшая лицо, была прозрачной, но достаточно плотной, чтобы скрыть выражение её глаз. Она шла медленно, чеканя шаг, и каждый её шаг отдавался в тишине зала, как удар колокола.

Церемонию проводил старый жрец, которого привезли из дальнего монастыря специально ради этого случая. Голос его дрожал от старости, но слова звучали чётко и торжественно: о союзе, который крепче стали; о верности, которая длиннее жизни; о любви, которая побеждает смерть.

Альберик слушал вполуха. Он сканировал зал, искал знакомый запах полыни, знакомый магический след — но не находил. Убийца не пришла. Или пришла, но была так хорошо скрыта, что даже он не мог её почувствовать.

Когда жрец провозгласил Илэйн и Дариана мужем и женой, когда гости разразились сдержанными аплодисментами, когда новоиспечённый принц-консорт поднял фату и поцеловал свою жену — целомудренно, почти официально, — Альберик выдохнул. Кажется, обошлось.

А потом он увидел её.

Она стояла в дальнем конце зала, у самых дверей, которых никто не открывал. Просто стояла, прислонившись плечом к каменной кладке, и аплодировала — медленно, беззвучно, с той самой лёгкой улыбкой, которая играла на её губах в день покушения. На ней было платье цвета тёмного мёда — под цвет волос, — и в полумраке зала она казалась сотканной из теней и свечного дыма.

Альберик шагнул вперёд, поднимая посох. Но она покачала головой. Не угрожающе — скорее, предостерегающе.

— Не сегодня, маг, — произнесла она одними губами. — Сегодня у меня подарок, а не покушение.

Она развернулась и вышла сквозь дверь, которую никто не открывал. Только лёгкий сквозняк пронёсся по залу, колебля пламя свечей, да запах полыни остался висеть в воздухе, медленно тая, как воспоминание.

Альберик посмотрел на алтарь, где стояли Илэйн и Дариан, — живые, невредимые, счастливые (насколько вообще можно быть счастливым в такой день). Потом перевёл взгляд на двери.

Подарок. Она сказала — подарок.

Он не знал, что это значит. Но чувствовал: война, длившаяся двадцать три года, только что сделала новый поворот. И этот поворот был прекраснее и страшнее всего, что он мог себе представить.

Глава VI. Сад увядших лилий

Через неделю после свадьбы принцесса Илэйн — теперь уже принцесса-регент, поскольку король всё ещё лежал в стазисе, а Совет так и не решился объявить его мёртвым, — устроила приём в дворцовом саду. Приглашены были все аристократы, сохранившие верность короне, а также те, кто пока не определился, и даже несколько человек из лагеря дяди-Годрика, которые явились с видом оскорблённого достоинства и тайным намерением вывести побольше.

Альберик ненавидел сады аристократов.

Он стоял у фонтана, изображавшего умирающего лебедя — вода вытекала из раны в груди птицы и с тихим плеском падала в мраморную чашу, — и наблюдал за гостями с тем особым отвращением, которое вырабатывается у людей, слишком долго проживших среди придворных. Сад был прекрасен и мёртв одновременно: выстриженные кусты в форме единорогов и грифонов, гравиевые дорожки, выложенные замысловатым узором, клумбы белых лилий, которые цвели круглый год благодаря заклинаниям, наложенным ещё прадедом нынешнего короля. Но лилии эти пахли не весной, а чем-то сладковато-гнилостным, словно магия, поддерживавшая их цветение, попутно высасывала из них жизнь.

— Магистр Альберик, — пропела за его спиной леди Маргарет из Дома Тисовых Ветвей, старая вдова с лицом, напоминавшим печёное яблоко, и бриллиантами такой величины, что они, казалось, пригибали её к земле. — Как чудесно, что вы почтили нас своим присутствием. Говорят, вы спасли нашего дорогого короля. Это так... героично.

Альберик обернулся и изобразил подобие улыбки. Леди Маргарет коллекционировала магов, как другие коллекционируют бабочек: приглашала на свои приёмы, усаживала рядом с собой и мучила бессмысленными разговорами, чтобы потом хвастаться знакомством перед другими вдовами.

— Я лишь выполнил свой долг, леди Маргарет.

— Ах, скромность! — она обмахнулась веером. — Обожаю скромных мужчин. Мой покойный муж, упокой боги его душу, тоже был скромным. До тех пор, пока не напивался и не начинал швыряться фамильным серебром.

Она засмеялась — дребезжащим смехом, похожим на звон разбитого хрусталя, — и поплыла дальше, оставляя за собой шлейф лавандовых духов и фальши.

Альберик перевёл дух и огляделся. Приём был в самом разгаре. Слуги сновали между гостями с подносами, уставленными хрустальными бокалами; струнный квартет играл что-то печальное и тягучее; аристократы разбились на группки и обсуждали последние новости — разумеется, те, что ещё не успели стать всеобщим достоянием.

Принцесса Илэйн стояла в центре сада, окружённая плотным кольцом придворных. Рядом с ней, положив руку на эфес меча, возвышался Дариан. Он был одет в парадный камзол цветов дома Кейлах — тёмно-синий с серебром, — но двигался с грацией человека, кото-

рый привык носить доспехи, а не шёлк. Супруги обменивались короткими взглядами, и в этих взглядах читалось то особое понимание, которое возникает между людьми, заключившими союз не только перед алтарём, но и перед лицом опасности.

— Прекрасная пара, не правда ли? — раздался голос справа.

Альберик повернулся. Перед ним стоял человек, которого он меньше всего ожидал увидеть в дворцовом саду. Веньян из Больших Камней, торговец с перекрёстка трёх дорог, был облачён в сюртук, явно взятый напрокат: рукава чуть коротки, воротник натёр шею до красноты. Он нервно теребил в руках бокал с вином, к которому не притронулся.

— Веньян? — Альберик удивлённо поднял бровь. — Как вы здесь оказались?

— Пригласили, — пробормотал торговец и кивнул в сторону Илэйн. — Её Высочество. Сказала, что ценит мою помощь в... э-э-э... одном деле. Каком — не уточнила. А я не спрашивал. Знаете, когда тебя приглашает ко двору принцесса-регент, вопросы задавать как-то не принято.

— И давно вы помогаете принцессе?

— Да какая там помощь! — Веньян отмахнулся и всё-таки сделал глоток вина. — Я просто описал ей ту... ту женщину. Ну, вы знаете. Которая меня... обчистила. Её Высочество очень заинтересовалась. Расспрашивала о каждой детали. О запахе, о голосе, о глазах. Я уж подумал, не родственница ли какая.

— В каком-то смысле — да, — задумчиво произнёс Альберик. — В очень отдалённом.

Он хотел было объяснить, но в этот момент к ним подошла сама Илэйн. Придворные расступились перед ней, как вода перед носом корабля. Дариан следовал на полшага позади — молчаливый, собранный, настороженный.

— Магистр Альберик, — принцесса кивнула. — И господин Веньян. Рада видеть вас обоих. Прогуляемся?

Она взяла Альберика под руку, и они направились по гравиевой дорожке вглубь сада, подальше от любопытных ушей. Дариан и Веньян двинулись следом — два неожиданных союзника, которым, казалось, было так же неудобно в этом саду, как и самому магу.

— Я получила послание, — негромко произнесла Илэйн, когда они отошли на достаточное расстояние. — От эльфов. Официальное. Через линию фронта, с герольдом под белым флагом.

Альберик напрягся.

— Содержание?

— Они предлагают перемирие. — Она говорила ровно, но пальцы, сжимавшие его локоть, чуть заметно дрожали. — Временное, на три месяца. С условием: я должна прибыть на переговоры лично. В нейтральную зону. Одна.

— Исключено, — отрезал Альберик.

— Я знала, что вы так скажете. — Илэйн чуть улыбнулась. — Поэтому и решила обсудить это здесь. В саду. Среди аристократов. Чтобы никто не заметил, как мы спорим.

— Ваше Высочество, вы не можете поехать одна. Это ловушка. Та эльфийка, что напала на вашего отца, всё ещё здесь. Она была на свадьбе. Она...

— Я знаю, — перебила Илэйн. — Я её видела. Не так отчётливо, как вы, но видела. Она стояла у дверей, и она... аплодировала.

Она остановилась у клумбы с лилиями. Наклонилась, сорвала один цветок — тот самый, что цвёл круглый год, но пах разложением, — и задумчиво повертела его в пальцах.

— Знаете, что мне сказал отец, когда я спросила его, почему мы воюем с эльфами? Мне было семь лет. Только что погиб мой брат. Я пришла к отцу и спросила: «Зачем они убивают нас?». А он ответил: «Потому что мы убиваем их. А мы убиваем их, потому что они убивают нас. А с чего всё началось, дочка, уже никто не помнит».

Она подняла цветок к свету. Лепестки лилии были безупречно белыми, но у самого основания, там, где они крепились к стеблю, проступала желтизна — болезненная, нездоровая.

— Теперь я знаю, с чего всё началось, — продолжила Илэйн. — С договора, который мой отец не подписал. С меня. С моего нерождённого будущего. И если есть шанс прекратить это — хотя бы на три месяца, хотя бы на три дня, — я должна попытаться.

Она повернулась к Альберику. В её глазах стояли слёзы — первые слёзы, которые он видел на её лице за все годы их знакомства.

— Я не поеду одна, — сказала она тихо. — Вы поедете со мной.

— Это другое дело, — выдохнул Альберик.

— И господин Веньян, — добавила принцесса.

Торговец, который как раз пытался незаметно почесать натёртую воротником шею, замер.

— Я? — переспросил он. — Ваше Высочество, я — торговец. Я даже меч-то в руках не держал. Ну, то есть держал, конечно, но в основном для того, чтобы оценить стоимость.

— Именно поэтому вы мне и нужны, — Илэйн повернулась к нему. — Вы — единственный из присутствующих, кто разговаривал с той эльфийкой. Более того — вы ей понравились. Настолько, что она оставила вас в живых. Это дорогого стоит.

Веньян открыл рот. Закрыл. Потом снова открыл.

— Понравился? Она меня обокрала! Вычистила лавку! Оставила с носом и... и с ожогом на шее!

— И тем не менее, — Илэйн пожала плечами, — вы живы. А сторожевой пост у брода через Иленку мёртв. Чувствуете разницу?

Торговец сдулся. Он перевёл взгляд на Альберика, ища поддержки, но маг лишь покачал головой.

— Привыкайте, господин Веньян. Когда принцесса-регент принимает решение, спорить с ней бесполезно. Я проверял.

Дариан, всё это время молчавший, вдруг заговорил. Голос его оказался низким, с хрипотцой — голосом человека, который привык отдавать команды на поле боя, а не беседовать в садах.

— Я тоже поеду.

— Дариан... — начала Илэйн, но он перебил её — мягко, но твёрдо:

— Ты — моя жена. Я дал клятву перед алтарём. И я не позволю тебе отправиться в логово врага без меня. Это не обсуждается.

Илэйн посмотрела на него долгим взглядом. Потом вздохнула — и в этом вздохе было больше нежности, чем в иных любовных признаниях.

— Хорошо. Ты поедешь. В конце концов, кто-то должен будет держать меч, пока я буду разговаривать.

— И арбалет, — вставил Веньян, осмелев. — Я привезу арбалет. У меня есть отличный, маленький, но убедительный. Я покажу.

Альберик посмотрел на эту троицу — принцессу в чёрном, воина в шёлке и торговца с душой авантюриста, — и внезапно почувствовал то, чего не чувствовал уже очень давно. Надежду. Тонкую, хрупкую, как лепестки лилий, но всё-таки надежду.

— Когда мы выступаем? — спросил он.

— Через два дня, — ответила Илэйн. — Эльфы предложили встречу в долине Трёх Камней. Это нейтральная территория, там до войны был храм, которому поклонялись и люди, и эльфы. Теперь — руины. Но магия места всё ещё действует: на территории храма нельзя проливать кровь. Древнее заклятие.

— Нельзя проливать кровь, — задумчиво повторил Альберик. — Но отравить — можно. Или наложить сонное заклятие. Или...

— Или попытаться договориться, — твёрдо сказала Илэйн. — В конце концов, кто-то должен разорвать этот круг. Почему не мы?

Она бросила увядшую лилию обратно на клумбу и повернулась к саду — туда, где аристократы всё ещё пили вино, сплетничали и делали вид, что мир вокруг них не рушится. Солнце клонилось к закату, и длинные тени от выстриженных кустов ползли по гравию, точно трещины по фарфору.

— Два дня, — произнёс Альберик. — Я подготовлю портал на всякий случай. Если дела пойдут плохо.

— Они пойдут плохо, — тихо сказал Дариан. — Но это не значит, что мы не должны пытаться.

Вечером того же дня, когда гости разошлись и сад опустел, Альберик вернулся к фонтану с умирающим лебедем. Он долго стоял, глядя, как вода вытекает из раны в груди птицы, и думал о том, что сказала Илэйн. О круге взаимной ненависти. О договоре, который не был подписан. О войне, которая началась с отказа — и могла закончиться чем-то ещё.

На гравии за его спиной хрустнули шаги. Он обернулся — но в саду никого не было. Только лёгкий запах полыни висел в вечернем воздухе, смешиваясь со сладковато-гнилостным ароматом лилий.

— Я знаю, что ты здесь, — произнёс Альберик в темноту.

Ответа не было. Но запах полыни стал сильнее — на мгновение, а затем растаял, словно его и не было. Словно тот, кто стоял в тени, только что принял решение — и удалился, не произнеся ни слова.

Альберик постоял ещё немного, глядя в темноту, и отправился в свою башню. Готовить портал. Готовиться к войне. Готовиться к миру. К тому, что ждало их в долине Трёх Камней, где древние руины помнили времена, когда люди и эльфы ещё умели говорить друг с другом без посредничества мечей.

Где-то вдалеке, за линией фронта, горели сторожевые костры. Война не заканчивалась. Но теперь, впервые за долгие годы, у неё появилась альтернатива. И эта альтернатива пахла полынью.

Глава VII. Пламя под молотом

Кузница стояла на отшибе — там, где городские стены Каэр-Дуна спускаются к реке, а воздух пахнет не розами из дворцового сада, а железной окалиной и каменным углем. Место это называлось Нижним Горном, и аристократы предпочитали обходить его стороной: слишком грязно, слишком шумно, слишком много простолюдинов. Но именно здесь, в прокопчённом до черноты строении с провалившейся кое-где крышей, ковалось будущее войны — или её конец.

Кузнеца звали Торвальд из клана Молотобойцев, и он был гномом.

Когда-то, ещё до войны, гномы торговали с людьми и эльфами на равных, поставляя оружие обеим сторонам и свято блюдя нейтралитет. Но война, затянувшаяся на двадцать три года, не оставила места нейтралитету: эльфы перестали покупать гномью сталь, сочтя её «слишком грубой», а люди, напротив, скупали всё, что могли унести. Торвальд перебрался в Каэр-Дун десять лет назад, после того как эльфийский рейд сжёг его родовую кузницу в восточных предгорьях, и с тех пор работал на корону. Работал много, пил ещё больше, но своё дело знал так, как знают его только те, кто родился с молотом в руках.

Альберик спустился в Нижний Горн на рассвете, за сутки до отправления в долину Трёх Камней. Идти пришлось пешком: лошади не любили этот район, шарахались от грохота и искр. Маг шагал по кривым улочкам, обходя лужи, в которых плавали радужные разводья машинного масла, и думал о том, что гномы — единственный народ, который умудряется жить в грязи и при этом создавать вещи, достойные королевских сокровищниц.

Кузница встретила его жаром и грохотом. Торвальд работал: огромный, кряжистый, с бородой, заплетённой в две косы и заткнутой за пояс, чтобы не мешала, он стоял у наковальни и бил молотом по раскалённой полосе металла. Всполохи оранжевого света выхватывали из темноты его лицо — широкое, покрытое шрамами от ожогов, с носом, сломанным в какой-то давней пьяной драке, и глазами, которые, несмотря на годы и потери, сохранили живой, почти мальчишеский блеск.

— Магистр! — пророкотал гном, не прекращая работы. — Какими судьбами в мою скромную обитель? Решили поменять посох на приличный топор? Давно пора!

— Посох меня устраивает, — ответил Альберик, останавливаясь у входа. — А вот кое-что другое — нет. Ты получил мой заказ?

Торвальд опустил молот. Вытер пот со лба тыльной стороной ладони, оставляя на лице чёрный след сажи. Потом кивнул на дверь в дальнем конце кузницы:

— Получил. И сделал. Пошли, покажу. Только осторожно: там такое, что у тебя, маг, волосы дыбом встанут. Если, конечно, у тебя ещё остались волосы после всех твоих заклинаний.

Они прошли в заднюю комнату — что-то среднее между складом и лабораторией. Здесь было темнее и тише; горн остался позади, и его мерный гул доносился сюда приглушённо, как биение далёкого сердца. Торвальд зажёл масляную лампу, и свет её упал на длинный

стол, заставленный чертежами, инструментами и странными механизмами, назначения которых Альберик не мог определить даже со всем своим магическим опытом.

Посреди стола, на бархатной подушке — гномы обожали театральные эффекты, — лежало оружие.

На первый взгляд оно напоминало арбалет: ложе из тёмного дерева, спусковой механизм, плечи, способные метать стрелу или болт. Но сходство было обманчивым. Во-первых, оружие было меньше обычного арбалета — настолько, что умещалось на ладони. Во-вторых, на месте привычного ложа располагался странный цилиндр из матового металла, а вместо болтов — россыпь маленьких, похожих на жуков, снарядов, каждый из которых светился изнутри тусклым синим светом.

— Что это? — спросил Альберик, беря оружие в руки. Металл был тёплым на ощупь, словно живой.

— Это, — Торвальд гордо выпятил грудь, — конец эльфийской магии. Я назвал его «Плачегон». Ну, в смысле, от него эльфы плачут. Или будут плакать. Если мы всё сделаем правильно.

— Плачегон? — Альберик повертел оружие в руках. — Гномья поэзия, как всегда, на высоте.

— Функциональность важнее поэзии! — отрезал Торвальд. — Смотри сюда. Видишь эти снаряды? Это не просто болты. Каждый из них содержит заряд алхимической смеси — моя собственная разработка, между прочим. Смесь реагирует на магию. Ты стреляешь в эльфа — ну, или в кого-то, кто использует заклинания, — снаряд попадает в цель и высвобождает облако особого газа. Газ этот связывает магические потоки. Проще говоря, после попадания эльф не может колдовать.

Альберик поднял бровь.

— Надолго?

— Зависит от дозы, — гном почесал бороду. — Один снаряд — на несколько минут. Три-четыре — на пару часов. Прямое попадание в сердце... ну, тут уже не до колдовства, сам понимаешь.

— А если эльф не колдует? Если он просто стоит с мечом?

— Тогда это просто арбалет, — Торвальд пожал плечами. — Убивает, как обычный арбалет. Но согласись, магистр: эльф без магии — это уже пол-эльфа. Они ведь всё делают через свои заклинания. Даже меч держат с помощью магии, я проверял.

Альберик задумался. Идея была хороша — слишком хороша, чтобы быть правдой. За двадцать три года войны никто не сумел создать оружие, способное нейтрализовать эльфийскую магию. Эльфы были сильны именно этим: их боевые заклинания могли обратить в бегство целый отряд, их иллюзии сбивали с толку опытных воинов, их защитные ауры делали их

почти неуязвимыми для обычного оружия. Если «Плачегон» работал так, как утверждал гном, это могло изменить ход войны.

— Ты испытывал его? — спросил маг.

Торвальд замолчал. Потом подошёл к столу, взял один из светящихся снарядов и долго вертел его в пальцах.

— Испытывал, — сказал он наконец. — Один раз. На себе.

— На себе? — Альберик нахмурился.

— Я же не эльф, — гном криво усмехнулся. — Но у меня есть кое-какие артефакты. Амулеты. Защитные. До войны гномы торговали с эльфами, и кое-что осталось. Я нацепил амулет, который создаёт слабую магическую ауру, и выстрелил в себя из этого красавца.

— И?

— И три дня не мог поднять молот, — признался Торвальд. — Руки дрожали, голова гудела, все заклинания, даже самые простые бытовые, отказывались работать. Амулет потух и до сих пор не восстановился. Так что да, работает.

Альберик положил «Плачегон» обратно на бархатную подушку. Оружие было опасным — не только для эльфов, но и для любого, кто пользовался магией. Включая его самого.

— Ты понимаешь, что создал нечто, способное изменить правила войны? — спросил он тихо.

— Я создал нечто, способное закончить войну, — поправил гном. — Ты идёшь на переговоры с эльфами. И я очень надеюсь, что эти переговоры пройдут мирно. Но если нет... — он взял «Плачегон» и протянул его Альберику, — если нет, пусть у тебя будет преимущество.

Маг принял оружие. Взвесил в руке. Оно было лёгким, почти невесомым — гномья работа всегда отличалась точностью и изяществом, несмотря на грубость самих мастеров.

— Сколько ты успел сделать?

— Пять штук, — ответил Торвальд. — И по двадцать снарядов к каждому. Больше не успел — времени не было, да и материалы... сам понимаешь. Алхимическая смесь требует редких ингредиентов. Я потратил почти все свои запасы.

— Я оплачу, — сказал Альберик. — Из своего кармана. Назови цену.

Гном покачал головой.

— Не надо денег, магистр. Я делал это не ради золота. — Он помолчал, глядя куда-то в темноту, за пределы круга света от масляной лампы. — У меня была семья. Жена, двое сыновей. Они погибли при эльфийском рейде — том самом, что сжёг мою кузницу в предгорьях. Я

не мстителен. Мечь — плохое топливо для работы, от него только руки дрожат. Но если это оружие поможет остановить войну... значит, я сделал его не зря.

В кузнице повисла тишина. Где-то вдалеке, за стенами, слышался мерный стук молотов — подмастерья Торвальда продолжали работу, не подозревая, что их мастер только что вложил в руки мага судьбу целой войны.

— Ты пойдёшь с нами? — вдруг спросил Альберик.

Гном удивлённо поднял глаза.

— Куда? В долину Трёх Камней?

— Да. Принцесса собирает отряд. Торговец, воин, маг — и кузнец, который знает своё оружие лучше, чем кто-либо. Ты мог бы пригодиться.

Торвальд долго молчал. Потом медленно, словно пробуя слова на вкус, произнёс:

— Я не был на поле боя десять лет. С тех пор, как... с тех пор, как погибла моя семья. Я думал, что больше никогда не возьму в руки оружие.

— Ты только что создал оружие, — напомнил Альберик. — И вложил его в мои руки.

— Это другое.

— Ничего не другое. Ты уже на поле боя, Торвальд. Просто пока не осознал этого.

Гном вздохнул. Подошёл к столу, взял один из светящихся снарядов, повертел в пальцах. Синий свет отразился в его глазах, и на мгновение лицо его стало моложе — таким, каким оно было до войны, до потерь, до десяти лет одиночества в прокопчённой кузнице.

— Я пойду, — сказал он наконец. — Но не ради короны. И не ради принцессы, какой бы храброй она ни была. Я пойду ради того, чтобы увидеть, как моё оружие остановит войну. Или хотя бы попытается.

— Этого достаточно, — кивнул Альберик.

Он спрятал «Плачегон» в складках плаща — оружие было достаточно маленьким, чтобы не привлекать внимания, — и направился к выходу. У двери остановился.

— Торвальд.

— Да?

— Ты сказал, что назвал его «Плачегон». Но у хорошего оружия должно быть второе имя. Тайное. Которое знают только создатель и владелец.

Гном усмехнулся в бороду.

— Ты прав. Есть второе имя. Я назвал его «Надежда».

— Надежда?

— Ну да. Потому что если эта штука сработает, у нас у всех появится надежда. А если нет... — он развёл руками, — что ж, тогда надежды нет ни у кого.

Альберик кивнул и вышел в рассвет. За спиной у него осталась кузница, полная грохота и огня; впереди ждала дорога в долину Трёх Камней. В плаще его, рядом с посохом из морёного дуба, теперь лежало оружие, способное лишить эльфов магии. Оружие, которое гном, потерявший семью, назвал Надеждой.

Ирония этого названия не ускользнула от мага. Но, шагая по кривым улочкам Нижнего Горна, он думал о том, что ирония — возможно, единственное, что остаётся людям, гномам и всем прочим смертным, когда боги отворачиваются от них.

Вечером того же дня Торвальд закрыл кузницу на все засовы, собрал инструменты, надел дорожный плащ и отправился в цитадель — впервые за десять лет покидая свой район не ради закупки металла, а ради чего-то большего. Подмастерья смотрели ему вслед с удивлением: старый гном, который годами не выходил за пределы Нижнего Горна, вдруг запер кузницу и ушёл в ночь, оставив горн остывать.

А в покоях принцессы Илэйн, склонившись над картой долины Трёх Камней, Альберик разложил перед ней пять маленьких арбалетов. Снаряды светились в полумраке синими огоньками, похожими на светлячков.

— Что это? — спросила Илэйн, беря один из «Плачегонов» в руки.

— Наше преимущество, — ответил маг. — Или наша последняя надежда. Зависит от того, как пройдут переговоры.

Он рассказал ей о гноме, о кузнице, о снарядах, связывающих магию. Принцесса слушала молча, и лицо её становилось всё более задумчивым.

— Если эльфы узнают об этом оружии, — произнесла она наконец, — переговоры закончатся, не начавшись. Они сочтут это угрозой.

— Поэтому они не узнают, — сказал Альберик. — «Плачегоны» будут спрятаны. Мы применим их только в случае крайней необходимости.

— Крайней необходимости, — повторила Илэйн и покачала головой. — Знаете, магистр, я начинаю думать, что эта война — не просто столкновение армий. Это столкновение страхов. Мы боимся их магии — они боятся нашей стали. Мы создаём оружие против их магии — они создают что-то против нашей стали. И так до бесконечности.

— Именно поэтому кто-то должен разорвать круг, — напомнил Альберик её собственные слова. — Завтра мы выступаем. Спите, Ваше Высочество. Дорога будет долгой.

Он вышел, оставив принцессу в одиночестве. Пять синих огоньков мерцали на столе, отражаясь в её глазах. И где-то в глубине цитадели, в комнате без окон, король Эдрик Четвёртый всё ещё лежал в стазисе, и серебристое свечение окутывало его грудь, не давая сердцу остановиться окончательно.

Завтра они отправятся в долину Трёх Камней. Завтра начнётся новый виток войны — или её конец. А пока над городом плыла ночь, пахнувшая гарью, пылью и отдалённым звоном кузнечных молотов.

Старый гном собирался в дорогу, и молот его, ещё не остывший, ждал своего часа.

Глава VIII. Дым над деревней

Дорога в долину Трёх Камней пролежала через земли, которые на картах, хранившихся в цитадели Каэр-Дуна, всё ещё значились как «королевские владения». В действительности же это была ничейная полоса — широкая, изъязвлённая старыми пожарищами равнина, на которой люди селились на свой страх и риск, не надеясь ни на корону, ни на богов, ни на удачу. Война обходила эти места стороной лишь потому, что брать здесь было нечего: ни богатых городов, ни стратегических переправ, ни плодородных полей. Только деревеньки, прилепившиеся к берегам пересохших ручьёв, точно ласточкины гнёзда к карнизу, — такие же хрупкие и такие же упрямые.

Отряд принцессы выступил на рассвете, как и было задумано. Пять всадников — Илэйн, Дариан, Альберик, Веньян и Торвальд — миновали городские ворота прежде, чем город проснулся, и направились на восток, в сторону линии фронта. Ехали молча: каждый понимал, что путешествие предстоит опасное, а исход его неясен никому, даже магу с посохом из морёного дуба.

Принцесса Илэйн держалась в седле прямо, как и подобает дочери короля, но Альберик замечал, как она то и дело касается рукой небольшого кожаного футляра, притороченного к поясу. Там лежал «Плачегон» — один из пяти, что передал ей маг накануне. Дариан ехал рядом с женой, и его парадный камзол сменился на дорожный дублет с металлическими вставками — не полноценный доспех, но достаточная защита от случайной стрелы. Меч его, тот самый, что был спрятан в тюке с шерстью, висел на боку в простых, но добротных ножнах. Веньян, торговец с перекрёстка трёх дорог, трясся на низкорослой лошадке, которую он арендовал в городской конюшне и с которой уже успел разругаться из-за норова. За спиной у него висел обещанный арбалет — маленький, но убедительный, как он сам выразился. Торвальд-гном ехал на пони — единственном животном, способном выдержать его вес, — и всю дорогу что-то бурчал про неудобное седло и «человеческую привычку всё делать неправильно».

К полудню они достигли деревни под названием Ржавый Луг.

Деревня была маленькой — два десятка домов, крытых соломой, часовня с покосившимся крестом, кузница (при виде которой Торвальд презрительно фыркнул) и трактир без вывески. В мирное время здесь, должно быть, кипела жизнь: Ржавый Луг стоял на перекрёстке двух старых торговых путей, и караваны частенько заворачивали сюда на ночлег. Но сейчас, в разгар войны, деревня выглядела вымершей. Ни дыма из труб, ни лая собак, ни детского смеха. Только ветер гонял по улице пыль вперемешку с сухой травой.

— Слишком тихо, — произнёс Дариан, сжимая поводья. — Для деревни такого размера — слишком тихо.

— Может, жители попрятались, — предположила Илэйн. — Увидели всадников и решили, что это рейд.

— Тогда они выставили бы дозорного, — возразил Альберик. — И дозорный уже окликнул бы нас. А здесь — ничего.

Он спешился и, опираясь на посох, медленно двинулся по главной улице. Остальные последовали за ним, ведя лошадей под уздцы. Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то в дальнем конце деревни скрипит незапертая дверь — ритмично, тоскливо, словно маятник.

Первое тело они нашли у колодца.

Это была женщина лет сорока, одетая в простое крестьянское платье. Она лежала ничком, раскинув руки, и в её спине, чуть ниже левой лопатки, торчала стрела с чёрным оперением. Лужа крови под телом уже запеклась, превратившись в тёмную корку, над которой лениво кружили мухи.

— Эльфийская, — коротко сказал Дариан, выдернув стрелу и осмотрев наконечник. — Узнаю работу. Тонкая кость, зубрины только с одной стороны. Люди такими не пользуются.

— Свежая? — спросила Илэйн. Голос её звучал ровно, но лицо побледнело.

— День. Может, два.

Альберик молча двинулся дальше. Он уже понял, что они найдут в остальных домах, и не ошибся. Тела лежали повсюду: у порогов, в дверях, на огородах, где их застала смерть. Мужчины, женщины, старики — эльфийские стрелы не щадили никого. Лишь в одном из домов маг обнаружил выжившего — мальчика лет десяти, который забился в подпол и просидел там, судя по всему, целые сутки, не смея вылезти. Когда Альберик открыл люк, ребёнок зажмурился от света и закричал — тонко, отчаянно, как кричат зверьки, попавшие в капкан.

— Тихо, тихо, — Альберик опустил на колени и протянул мальчику руку. — Мы не враги. Мы из Каэр-Дуна. Солдаты... мы не солдаты, но мы поможем. Как тебя зовут?

Мальчик долго молчал, глядя на него огромными, запавшими от голода и страха глазами. Потом прошептал:

— Тим. Тимус. Сын мельника.

— Где твои родители, Тимус?

Ребёнок покачал головой. Губы его задрожали. Альберик всё понял без слов. Он поднял мальчика на руки — лёгкого, как пушинка, пропахшего землёй и сыростью — и вынес на улицу.

Тем временем Веньян и Торвальд обходили деревню в поисках выживших. Торговец, который ещё утром жаловался на неудобное седло, теперь двигался молча, с лицом, застывшим в каком-то неестественном, почти каменном спокойствии. Он видел смерть и раньше — на перекрёстке трёх дорог её всегда хватало, — но одно дело слышать о резне от проезжих купцов, и совсем другое — ступать по земле, пропитанной кровью тех, кто ещё вчера был жив.

Гном остановился у кузницы. Вернее, у того, что от неё осталось: дверь была сорвана с петель, горн разбит, инструменты разбросаны по земле. Рядом с наковальней лежал кузнец — мужчина огромного роста, с руками, покрытыми шрамами от ожогов. В одной руке он сжимал молот, в другой — пустоту. Его убили выстрелом в спину: он так и не успел обернуться к врагу.

Торвальд долго смотрел на мёртвого кузнеца. Потом опустился на одно колено, закрыл ему глаза и произнёс что-то на древнегномьем — гортанно, отрывисто. Молитву. Или проклятие. Или и то, и другое сразу.

— Здесь больше никого, — сказал Дариан, возвращаясь из дальнего конца деревни. — Я насчитал сорок два тела. Может быть, больше — в некоторых домах не смог войти, слишком сильный запах.

— Сорок два, — повторила Илэйн. — Сорок два подданных моего отца, которых больше нет.

Она стояла посреди улицы, выпрямившись во весь рост, и лицо её было белее мела. Альберик видел, как она сжимает кулаки — так, что костяшки побелели. Принцесса, потерявшая двух братьев на этой войне, теперь потеряла ещё сорок два человека, которых даже не знала по именам. Но они были её народом. И она была их будущей королевой.

— Это не случайный рейд, — произнёс Альберик, опуская мальчика на землю и набрасывая ему на плечи свой плащ. — Слишком чисто сработано. Никаких следов сопротивления. Никаких раненых эльфов. Они пришли, убили всех и ушли. Быстро, профессионально, без единой ошибки.

— Разве это не обычная тактика эльфов? — спросил Веньян. — Я слышал, они так воюют: налетают, жгут, исчезают.

— Обычная — да, — согласился Альберик. — Но обычно они атакуют военные объекты. Посты. Патрули. Обозы. Иногда — приграничные деревни, чтобы посеять панику. Но Ржавый Луг... — он обвёл рукой окрестности, — Ржавый Луг не имеет стратегического значения. Он просто стоит на пути к долине Трёх Камней.

— На пути к месту переговоров, — закончила Илэйн.

Повисла пауза. Все пятеро — маг, принцесса, воин, торговец и гном — стояли посреди мёртвой деревни и думали об одном и том же. Кто-то знал, что они едут в долину. Кто-то знал их маршрут. И этот кто-то — или что-то — оставлял за собой послание. Написанное на языке мёртвых тел и чёрных стрел.

— Это предупреждение, — сказал Дариан. — Эльфы дают понять: не лезьте. Не приближайтесь. Не пытайтесь договариваться.

— Или наоборот, — возразил Альберик. — Это попытка сорвать переговоры. Заставить нас обвинить эльфов в том, чего они, возможно, не совершали.

— Вы думаете, это не эльфы? — Илэйн удивлённо подняла брови. — Стрелы эльфийские. Почерк эльфийский. Кому ещё это может быть нужно?

— Есть те, кому не нужен мир, — тихо сказал маг. — И эти люди есть по обе стороны фронта. Ваш дядя, лорд Годрик, только и ждёт, чтобы вы оступились. А у эльфов наверняка есть свои лорды Годрики, которым война выгоднее мира.

Илэйн ничего не ответила. Она подошла к мальчику, который всё ещё дрожал, закутанный в плащ Альберика, и опустилась перед ним на корточки.

— Тимус, — сказала она мягко. — Ты видел тех, кто это сделал?

Ребёнок поднял на неё глаза. Он всё ещё молчал, но в глазах его, помимо страха, начало проступать что-то осмысленное — воспоминание, пробивавшееся сквозь пелену ужаса.

— Они... — прошептал он, — они были высокие. И светились. Немножко. Как луна. Но среди них был один... один не светился. Он говорил на нашем языке. Приказал им уходить, когда всё закончилось.

— Один не светился? — переспросил Альберик. — Ты уверен?

Мальчик кивнул.

— У него был шрам. Вот здесь. — Он провёл пальцем по левой щеке, от виска до угла рта. — И он сказал... он сказал что-то странное. Я не понял.

— Что именно?

— «Передайте принцессе, что это только начало». И они ушли.

Тишина, наступившая после этих слов, была тяжелее, чем все предыдущие. Даже ветер, казалось, стих, прислушиваясь. Илэйн медленно поднялась с корточек. Лицо её теперь не было бледным — оно было каменным.

— Послание для меня, — произнесла она. — Кто-то очень хочет, чтобы мы знали: за переговорами стоит нечто большее. Кто-то играет нами.

— И этот кто-то — не эльф, — добавил Альберик. — Или, по крайней мере, не обычный эльф. Человек среди эльфов. Среди светящихся. Человек со шрамом, который говорит на нашем языке и знает имя принцессы.

— Предатель? — спросил Дариан.

— Хуже, — Альберик задумчиво постучал посохом по земле. — Кукловод.

Они похоронили жителей Ржавого Луга на закате того же дня. Торвальд и Дариан копали могилы — одну большую, потому что на сорок две отдельных не хватило бы ни времени, ни сил. Веньян, преодолевая дрожь в руках, помогал переносить тела. Илэйн стояла у края ямы и читала отходную молитву — негромко, но твёрдо, как и подобает той, кто завтра может разделить участь этих людей. А маленький Тимус, завернутый в плащ мага, сидел на пороге часовни и смотрел в пустоту.

Когда могилу засыпали, а на вершину холмика водрузили грубо сколоченный крест, Альберик отвёл принцессу в сторону.

— Мы можем повернуть назад, — сказал он. — Это не трусость. Это благоразумие. Противник знает наш маршрут и оставляет послания из трупов. В долине нас может ждать засада.

— Я знаю, — ответила Илэйн. — И я не поверну. Если тот, кто это сделал, хочет запугать нас — он просчитался. Теперь я хочу встретиться с эльфами ещё больше, чем раньше. Потому что либо они замешаны в этом, либо им тоже угрожает опасность. И в том, и в другом случае переговоры необходимы.

Она повернулась к магу, и в её глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонь, который он видел в день их разговора в покоех.

— Кроме того, у нас есть пять «Плачегонов», магистр. Пять штук. И гном, который знает их секрет. И торговец, которому эльфийки почему-то сохраняют жизнь. И муж, который готов умереть за меня. И вы. — Она вдруг улыбнулась — невесело, но искренне. — По-моему, мы не так уж и слабы.

Альберик покачал головой, но спорить не стал. Он слишком хорошо знал эту женщину, чтобы пытаться переубедить её, когда она приняла решение.

Ночью они разбили лагерь на окраине деревни, подальше от запаха гари и смерти. Костёр разожгли небольшой — ровно такой, чтобы согреться и не привлекать лишнего внимания. Торвальд чистил своё оружие, Веньян бездумно крутил в руках снаряды от «Плачегона», Дариан нёс первую стражу. А Альберик сидел у костра, положив посох на колени, и думал.

Человек со шрамом. Человек среди эльфов. Кукловод, который оставляет послания на языке мёртвых тел. Эта война, длившаяся двадцать три года, внезапно перестала быть просто войной. Она стала чьим-то замыслом. И разгадка этого замысла ждала их в долине Трёх Камней — или поджидала в засаде.

Где-то в темноте, за кругом света от костра, снова мелькнул запах полыни. Альберик поднял голову, вглядываясь в ночь, но ничего не увидел. Только звёзды, холодные и равнодушные, смотрели на них с высоты. И мальчик Тимус, проснувшись от ночного кошмара, всхлипывал во сне, прижимаясь к тёплому боку гномьего пони.

Завтра они продолжат путь. Завтра они узнают больше. А пока война спала, свернувшись клубком у костра, и ждала своего часа.

Глава IX. Врата из серебра и теней

Долина Трёх Камней открылась им на исходе третьего дня пути — внезапно и величественно, словно кто-то раздвинул холмы гигантской рукой, приглашая путников ступить на древнюю, пропитанную магией землю. Отряд остановился на гребне последнего перевала, и даже лошади, измученные долгой дорогой, замерли, почуяв неладное.

Долина лежала перед ними, залитая предзакатным солнцем, и была прекрасна той особой, тревожной красотой, какая свойственна местам, где когда-то случилось нечто великое — или ужасное. Три каменных исполина, давшие долине имя, возвышались в центре, образуя почти правильный треугольник. Они были стары — старше любого королевства, старше любой из известных войн, старше, возможно, даже самих эльфов, если верить легендам. Камни, сточенные ветрами и дождями до причудливых, почти живых форм, напоминали трёх склонившихся друг к другу великанов, застывших в безмолвном разговоре.

Между камнями, там, где когда-то стоял храм, которому поклонялись и люди, и эльфы, теперь простиралось поле, поросшее серебристой травой — той самой, что растёт только на земле, политой древней магией. Руины храма ещё угадывались: обломки колонн, оплетённые плющом, остатки алтаря, расколотого пополам, ступени, ведущие в никуда. Но главное, что приковало к себе взгляд Альберика, находилось прямо в центре треугольника, там, где пересекались невидимые линии силы, проведённые от каждого из трёх камней.

Врата.

Они мерцали в воздухе, сотканые из серебристого света и теней, — высокая, раза в три выше человеческого роста арка, внутри которой колыхалось нечто неопределимое, зыбкое, похожее на отражение в воде, потревоженной брошенным камнем. Края арки были покрыты рунами, но не теми, что использовали эльфы в своей магии, и не теми, что были известны людям. Это были знаки иного, более древнего языка — языка, на котором, если верить легендам, говорили боги до того, как покинули этот мир.

— Мать-прародительница, — выдохнул Торвальд, и в голосе его не было обычной ворчливости — только благоговейный ужас. — Это же... это же Предвечные Врата. Я думал, они существуют только в легендах.

— Что такое Предвечные Врата? — спросил Веньян, нервно теребя ремень арбалета. — И почему мне кажется, что мне это не понравится?

— Потому что тебе это не должно нравиться, — ответил Альберик, не отрывая взгляда от мерцающей арки. — Предвечные Врата — это портал. Но не такой, какие умеем создавать мы, маги. Наши порталы ведут из одной точки мира в другую. Эти... — он помолчал, подбирая слова, — эти ведут за пределы.

— За пределы чего?

— За пределы всего. В иные миры. В иные слои реальности. Туда, откуда когда-то пришли эльфы — если, конечно, эльфийские хроники не врут.

Илэйн, сидевшая в седле с прямой, как натянутая струна, спиной, медленно перевела взгляд с Врат на Альберика. Лицо её было спокойно, но маг слишком хорошо знал её, чтобы не заметить, как побелели костяшки пальцев, сжимавших поводья.

— Эльфы пришли из другого мира?

— Так гласят их легенды, — подтвердил Альберик. — Задолго до Первой Эпохи, когда людей ещё не существовало, а гномы только-только выбрались из-под земли, эльфы явились через Врата, подобные этим. Они были Перворождёнными — но не этого мира. Их истинная родина лежит где-то за гранью. И если Врата здесь, в долине Трёх Камней, и если они открыты...

— То война, которую мы вели двадцать три года, — лишь прелюдия, — закончил Дариан. Рука его легла на эфес меча, но он не вытащил клинок — просто держался за него, как держится утопающий за обломок мачты.

— Или финал, — тихо произнесла Илэйн. — Смотря что именно явится из этих Врат.

Отряд начал спускаться в долину. Лошади шли медленно, осторожно переставляя ноги: животные чувствовали магию, разлитую в воздухе, и она им не нравилась. Маленький Тимус, которого они взяли с собой — оставить мальчика одного в мёртвой деревне было невыносимо, — ехал позади Торвальда, вцепившись в гнома обеими руками. Глаза его, ещё недавно пустые от пережитого ужаса, сейчас были широко распахнуты и полны изумления. Ребёнок, выросший в деревне, где единственным чудом был фокусник на ярмарке, впервые в жизни видел настоящую магию.

Чем ближе они подходили к Вратам, тем сильнее менялся воздух. Он становился плотным, почти осязаемым, и каждый вдох отдавался в груди странным покалыванием — как будто лёгкие наполнялись не воздухом, а игристым вином. Звуки тоже искажались: шаги лошадей звучали глухо, голоса — с эхом, хотя вокруг не было ни стен, ни скал, от которых эхо могло бы отражаться. Серебристая трава под ногами звенела, словно сотканная из тончайших металлических нитей.

— Здесь время течёт иначе, — произнёс Альберик, спешиваясь. — Чувствуете? Смотрите на солнце.

Все подняли головы. Солнце, которое только что клонилось к закату, теперь висело неподвижно, застыв в полуденной точке. Тени от Трёх Камней не двигались. Ветра не было — и в то же время трава колыхалась, подчиняясь какому-то иному, нездешнему ритму.

— Магия места, о которой говорила принцесса, — сказал маг. — Древнее заклятие, запрещающее проливать кровь на территории храма. Это не просто слова. Здесь время застыло в точке равновесия. Здесь нельзя убить — но, возможно, здесь можно умереть от старости за один удар сердца, если заклятие даст трещину.

— Обнадёживает, — буркнул Веньян.

Они привязали лошадей к обломку колонны и двинулись к Вратам. Альберик шёл первым, держа посох наперевес; за ним — Илэйн и Дариан, плечом к плечу; замыкали процессию

Торвальд с Тимусом и Веньян, который то и дело оглядывался через плечо, словно ожидая, что из-за камней вот-вот выскочат эльфийские стрелки.

Но вокруг было пусто. Ни эльфов, ни людей, ни кого бы то ни было. Только Врата, мерцающие в центре треугольника, ждали.

— Здесь должны были ждать парламентарёры, — произнесла Илэйн, оглядываясь. — Эльфы назначили встречу именно здесь. В полдень, в день летнего солнцестояния. Сегодня.

— Сегодня, — повторил Альберик и посмотрел на неподвижное солнце. — Но время здесь стоит. Может быть, для них ещё не наступил полдень. Или наступил тысячу лет назад.

Они подошли к Вратам вплотную. Арка возвышалась над ними, и теперь стало видно, что руны, покрывающие её края, не вырезаны в камне — они плывут, медленно, как облака, меняя очертания и складываясь в новые узоры. Внутри арки колыхалось то самое серебристое марево, и вглядываться в него было всё равно что всматриваться в глубину колодца: сначала видишь только отражение, а потом, если смотреть достаточно долго, начинаешь различать смутные очертания чего-то, лежащего далеко внизу.

Или далеко по ту сторону.

— Там что-то есть, — прошептал Тимус, и все вздрогнули: мальчик молчал почти двое суток, и звук его голоса был неожиданным, как удар колокола в тишине. — Там, внутри. Что-то... кто-то.

Альберик прищурился, вглядываясь в марево. И увидел.

Сквозь серебристую пелену проступали очертания фигур — десятков, сотен фигур. Они стояли неподвижно, выстроившись рядами, и ждали. Это не были эльфы — или, по крайней мере, не те эльфы, которых Альберик привык видеть на поле боя. Эти существа были выше, тоньше, словно вырезанные из лунного света и утреннего тумана. Их доспехи сияли нездешним блеском, их глаза — даже сквозь пелену Врат — горели холодным огнём. И они смотрели. Смотрели прямо на горстку людей, стоявших по эту сторону.

— Перворождённые, — выдохнул Альберик. — Не те эльфы, с которыми мы воюем. Их предки. Их боги. Их... армия.

— Армия? — переспросил Дариан, и в его голосе впервые прозвучало нечто, похожее на страх. — Сколько их?

— Я не знаю. Тысячи. Десятки тысяч. Может быть, больше. Они ждут.

— Чего?

Ответ пришёл не от Альберика. Он пришёл из Врат.

Голос, раздавшийся из серебристого марева, был одновременно прекрасен и невыносим, как звук стекла, по которому проводят алмазом. Он звучал повсюду — не в ушах, а прямо в головах, минуя барабанные перепонки, проникая в самое сознание.

— Мы ждали вас, дочь отрёкшегося короля. Мы ждали двадцать три года. Мы ждали дольше — с тех пор, как твой отец нарушил договор и обрёк наши народы на бессмысленную бойню. Мы ждали, пока вы сами придёте к Вратам — потому что только добровольно пришедший может открыть их окончательно.

Илэйн шагнула вперёд, отстранив Дариана, который пытался заслонить её собой. Лицо её было бледным, но голос — твёрдым.

— Кто ты? Покажись.

Марево колыхнулось, и из него выступила фигура — не полностью, лишь наполовину, оставаясь одной ногой в мире людей, а другой — в той, запредельной реальности. Это была эльфийка. Высокая, с волосами цвета расплавленного серебра, с глазами, похожими на две звезды, и лицом, которое было бы прекрасным, если бы не выражение бесконечной, застывшей скорби. Одежды её струились, как вода, и были расшиты теми же рунами, что покрывали края арки.

— Я — Итильвен из Дома Утренней Звезды, — произнесла она. — Сестра короля эльфов. Хранительница Врат. И я пришла спросить тебя, дочь Эдрика: готова ли ты заплатить цену?

— Какую цену? — голос Илэйн не дрогнул.

— Ту же, что была предложена двадцать три года назад. Твою руку — наследнику эльфийского престола. Союз двух народов, скреплённый кровью и магией. Тогда — мир. Тогда — конец войны. Тогда Врата закроются, и Перворождённые останутся по ту сторону, а не хлынут в этот мир, чтобы завершить то, что начали их потомки.

Альберик слушал и чувствовал, как кусочки головоломки встают на места с пугающим, почти слышимым щелчком. Договор, который отказался подписать король Эдрик. Война, начавшаяся из-за этого отказа. Врата, которые должны были быть закрыты брачным союзом. И теперь — ультиматум. Последний.

— А если я откажусь? — спросила Илэйн.

Итильвен перевела взгляд на неё, и в этом взгляде не было угрозы — только печаль, глубокая, как океан.

— Тогда Врата откроются полностью. Перворождённые вернуться. И война, которую вы вели двадцать три года, покажется вам детской игрой в песочнице. Мы не хотим этого. Мы никогда не хотели. Но договор должен быть исполнен — или последствия падут на обе стороны.

В наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко, по ту сторону Врат, звучит музыка — нездешняя, тягучая, прекрасная и смертоносная одновременно. Армия Перворождённых ждала. Ждала ответа.

И ответ этот должна была дать женщина в чёрном, потерявшая двух братьев, отца и двадцать три года жизни — женщина, которая уже сделала свой выбор, выйдя замуж за человека, которого любила.

Илэйн подняла голову и посмотрела в глаза эльфийской принцессы.

— У меня есть встречное предложение, — сказала она.

И Альберик, стоявший рядом, почувствовал, как воздух вокруг них сгущается, словно перед грозой.

Глава X. Книга архимага

Переговоры были прерваны.

Итильвен из Дома Утренней Звезды, едва услышав слова Илэйн о «встречном предложении», подняла руку — тонкую, полупрозрачную, пронизанную серебристыми жилами магии. Жест этот был исполнен такого властного спокойствия, что даже ветер, казалось, замер, прислушиваясь.

— Смертная предлагает условия Перворожждённым? — в голосе эльфийской принцессы прозвучало не возмущение — скорее, усталое любопытство. — Это... необычно. Но сегодня я не уполномочена принимать условия. Сегодня я лишь передаю волю моего брата, короля. Ответ ты дашь завтра, на рассвете. А пока — думай, дочь отрёкшегося короля. Думай и помни: каждая капля крови, пролитая в этой войне, лежит на весах, и чаша твоего отца уже почти перевесила.

Она отступила в серебристое марево, и фигура её растаяла, как утренний туман над рекой. Армия Перворожждённых за её спиной тоже исчезла — точнее, отделилась, стала неразличимой, словно кто-то задёрнул занавес между мирами. Врата продолжали мерцать, но теперь они казались спящими — вулкан, который пока не извергается, но в любой момент может проснуться.

Илэйн выдохнула. Только сейчас стало заметно, как сильно она напряжена: плечи её опустились, пальцы, сжимавшие край плаща, разжались, на ладонях остались красные следы от ногтей.

— Завтра на рассвете, — повторила она. — У нас есть ночь.

— Одна ночь, — кивнул Альберик. — И я знаю, как её провести.

Он повернулся к отряду и обвёл всех взглядом — принцессу, воина, гнома, торговца и маленького мальчика, который всё ещё жался к Торвальду.

— Когда я был учеником, мой наставник, архимаг Элдеран, рассказывал мне о Книге Перепутья. Это легендарный манускрипт, написанный на языке, который старше эльфийского, старше гномьего, старше любого из известных нам наречий. Говорят, что в нём содержится знание о природе Предвечных Врат. О том, как они были созданы. И о том, как их можно закрыть — навсегда, без всяких брачных договоров и жертв.

— Легендарный манускрипт, — скептически хмыкнул Торвальд. — Я слышал о нём. Гномьи хроники упоминают Книгу Перепутья как выдумку безумных магов, которые перепили ртути. Никто никогда не видел её.

— Никто из гномов, — уточнил Альберик. — Но мой наставник видел. Он держал её в руках — один раз, много лет назад, ещё до войны. И он рассказал мне, где она спрятана.

— Где? — спросила Илэйн.

— В башне Элдерана. В моей башне. Точнее, под ней.

Все уставились на него. Даже Тимус, который вряд ли понимал суть разговора, почувствовал важность момента и затаил дыхание.

— Вы хотите сказать, — медленно произнёс Дариан, — что книга, способная закрыть Врата и остановить вторжение Перворождённых, всё это время лежала в подвале вашей башни?

— Не в подвале, — поправил Альберик. — В подземном хранилище, защищённом заклинаниями, которые наложил сам Эддеран. Я не мог попасть туда двадцать три года — мой наставник умер в первый год войны, не успев передать мне ключ. Но теперь... — он сделал паузу, и в его глазах блеснул тот самый огонь, который появляется у человека, стоящего на пороге великого открытия или великой глупости, — теперь у меня есть пять «Плачегонов», способных нейтрализовать любую магию. Даже магию Элдерана.

— Вы предлагаете взломать хранилище вашего собственного наставника? — уточнил Веньян. — Звучит как-то... не очень почтительно.

— Мой наставник, — ответил Альберик, — говорил мне, что знание существует не для того, чтобы лежать под замком. Оно существует, чтобы быть использованным в нужный момент. Я думаю, этот момент настал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.